

Кристин Ханна

Светлячок надежды

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6737847

*Ханна К. Светлячок надежды : Роман : Азбука, Азбука-Амтикус; С.-Петербург; 2014
ISBN 978-5-389-08039-3*

Аннотация

Талли Харт никогда не довольствовалась в жизни малым. Здоровые амбиции позволяют ей добиться многого – профессионального успеха, славы, благосостояния, и все это с нуля, без чьей-либо поддержки. В какой-то момент знаменитой телеведущей кажется, что она способна взять любой рубеж, но уход из жизни Кейт, ее сорокапятилетней подруги, отношения с которой начались в далеком детстве, выбивает из колеи и такую сильную натуру, как Талли. Конечно, она обещает Кейт позаботиться о ее семье и троих ее детях и искренне готова выполнить обещание, вот только женщина, поставившая во главу угла карьеру, не имеет понятия о том, что такое семейные проблемы и забота о близких... Яркая и независимая, но в то же время предельно эмоциональная и ранимая, Талли однажды забывает об осторожности и оказывается между жизнью и смертью. Кто помогает ей выкарабкаться? Какие события разворачиваются в семье Кейт? Что дарит Талли и особо дорогим ей людям надежду и силы жить дальше, позволяет шагнуть навстречу мечте?

Впервые на русском языке.

Содержание

Пролог	5
1	6
2 сентября 2010 г., 22:14	6
3 сентября 2010 г., 2:01	8
2	10
3 сентября 2010 г., 4:16	10
3 сентября 2010 г., 4:39	11
3	23
4	31
3 сентября 2010 г., 6:21	35
5	36
6	50
3 сентября 2010 г., 6:27	51
7	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Кристин Ханна

Светлячок надежды

Бенджамину и Такеру, которые каждый день открывают мне истинное значение любви. Моей семье – Лоренсу, Дебби, Джулии, Маккензи, Лауре, Лукасу и Логану. Все вы поддерживаете меня на моем пути, и наши воспоминания. И наконец, моей маме. Мы по тебе скучаем

Kristin Hannah

FLY AWAY

© 2013 by Kristin Hannah

© Фотография на обложке lanterns@www.etsy.com/shop/treasureagain

© Гольдберг Ю., перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2014

Издательство Иностранка®

Пролог

Согнувшись пополам, она сидит в кабинке туалета; на щеках ее высыхают слезы и подтеки от туши, старательно нанесенной несколько часов назад. Ей незачем здесь находиться, тем не менее она здесь.

Скорбь – коварная штука; она приходит и уходит, словно незванный гость, которому невозможно указать на дверь. Она жаждет этой скорби, хотя никогда не признавала ее. В последнее время только скорбь кажется реальной. Она вдруг понимает, что думает о своей лучшей подруге намеренно и теперь, и все последнее время, потому что ей хочется плакать. Она словно ребенок, который расчесывает ранку и не может остановиться, хотя знает, что будет больно.

Она пыталась преодолеть одиночество, на самом деле пыталась. И теперь пытается, пусть и по-своему, но иногда один-единственный человек становится для вас опорой в жизни, не дает упасть, и без его поддержки вы рискуете сорваться в пропасть, независимо от того, сколько у вас осталось сил и с каким упорством вы стараетесь удержаться на краю.

Однажды – очень давно – она шла в темноте по улице Светлячков и в эту худшую ночь в своей жизни нашла родственную душу.

Так все и началось. Больше тридцати лет назад.

Талли-и-Кейт. Ты и я против остального мира. Лучшие подруги навек.

Но рано или поздно все заканчивается, правда? Ты теряешь любимых людей, и нужно найти силы, чтобы жить дальше.

Я должна отпустить прошлое. Попрощаться с улыбкой.

Это будет нелегко.

Она еще не знает, что уже сделала выбор; через несколько мгновений все изменится.

1

2 сентября 2010 г., 22:14

Она чувствовала, что опьянела. Чудесное ощущение, словно тебя завернули в теплое после сушилки полотенце. Но когда она пришла в себя и увидела, где находится, это ощущение исчезло.

Она сидела в кабинке туалета, согнувшись пополам, и слезы высыхали у нее на щеках. Сколько она здесь пробыла? Она медленно встала и вышла из туалета, прокладывая себе путь через многолюдное фойе театра и не обращая внимания на неодобрительные взгляды, которыми ее провожали нарядные люди, пившие шампанское под сверкающей люстрой девятнадцатого века. Должно быть, фильм уже закончился.

На улице она скинула свои лакированные туфли-лодочки и, не обращая внимания на накрапывающий дождь, прямо в дорогах тонких чулках пошла по мокрому тротуару к дому. Кварталов десять, наверное. Она дойдет, да и такси в такое время все равно не поймаешь.

На Вирджиния-стрит ее внимание привлекла розовая вывеска «МАРТИНИ-БАР». Снаружи, у входной двери, стояли несколько человек – курили и болтали, укрывшись от дождя под козырьком.

Поклявшись себе, что пройдет мимо, она все-таки свернула к бару, толкнула дверь и вошла. Проскользнула в темное, заполненное людьми помещение и двинулась прямо к длинной барной стойке из красного дерева.

– Что будете заказывать? – спросил худой бармен с экстравагантной внешностью; волосы у него были цвета мандарина, а металла на физиономии было больше, чем болтов и гаек в отделе скобяных изделий универсального магазина «Сирс».

– Текилу, неразбавленную.

Выпив первую порцию, она заказала еще одну. Громкая музыка успокаивала. После второй порции она принялась раскачиваться в такт музыке. Люди вокруг нее оживленно переговаривались и смеялись, и она на мгновение почувствовала себя такой же, как они.

На соседний табурет сел мужчина в дорогом элегантном костюме. Мужчина был высок и хорошо сложен, со светлыми, аккуратно подстриженными и уложенными волосами. Вероятно, банкир или юрист в солидной корпорации. И конечно, слишком молод для нее. Ему явно не больше тридцати пяти. Интересно, давно он здесь ошивается, высматривая самую красивую женщину в зале, чтобы подкатить к ней? И сколько уже выпил порций – одну или две?

Наконец он повернулся к ней. По выражению его глаз она поняла, что мужчина ее узнал, и это доставило ей удовольствие.

– Могу я вас угостить?

– Не знаю. А что вы можете мне предложить? – Кажется, у нее заплетается язык. Это плохо. И мысли путаются.

Его взгляд скользнул вниз, с ее лица на грудь, потом снова остановился на лице. Откровенный взгляд, лишенный всякого притворства.

– По меньшей мере, выпивку.

– Обычно я не пью с незнакомыми людьми, – солгала она. В последнее время в ее жизни были только незнакомцы. Все остальные – те, кто был ей небезразличен, – забыли о ней. Она почувствовала, что успокоительная таблетка начинает действовать. Или это текила?

Мужчина ласково коснулся ее подбородка, и она вздрогнула. Для того чтобы дотронуться до нее, нужна смелость – в последнее время на это не отваживался никто.

– Я Тони, – сказал он.

Она заглянула в его голубые глаза и еще острее почувствовала груз своего одиночества. Когда ее в последний раз хотел мужчина?

– Я Талли Харт.

– Знаю.

Он поцеловал ее. Губы у него были чуть сладковатыми от какого-то ликера и сигарет. А может, от марихуаны. Ей захотелось окунуться в чисто физическое наслаждение, раствориться в нем, словно карамель. Забыть о том, что все пошло наперекосяк в ее жизни, и о том, почему она оказалась в подобном месте, одна среди толпы незнакомцев.

– Поцелуй меня еще, – сказала она, ненавидя себя за жалобные, просительные интонации. Таким был ее голос, когда в детстве она стояла у окна, прижавшись носом к стеклу, и ждала возвращения матери. «Что со мной не так?» – спрашивала та маленькая девочка у всех, кто соглашался ее слушать, но никогда не получала ответа. Талли протянула к мужчине руки, обняла, но, когда он поцеловал ее и прижал к себе, почувствовала, что из глаз полились слезы, остановить которые она не в силах.

3 сентября 2010 г., 2:01

Талли покинула бар последней. Двери со стуком захлопнулись за ней, неоновая вывеска зашипела и погасла. Начало третьего, и улицы Сизтла были пусты и безмолвны.

Нетвердой походкой она двинулась к дому по мокрому тротуару. Ее поцеловал мужчина – незнакомый, – и она заплакала. Жалобно. Неудивительно, что он пошел на попятную.

Дождь обрушился на нее, и она мгновенно вымокла до нитки. Ей захотелось остановиться, поднять голову и глотать воду, пока не захлебнется.

Это было бы неплохо.

Ей показалось, что дорога домой заняла несколько часов. Добравшись наконец до дома, Талли проскользнула мимо швейцара, стараясь не встречаться с ним взглядом. А в лифте увидела свое отражение в большом зеркале.

О боже!

Ужасный вид! Темно-рыжие волосы – их уже пора подкрасить – напоминали воронье гнездо, тушь оставила следы на щеках.

Двери открылись, и Талли вышла из лифта. Ее шатало, и дорога до двери в квартиру показалась ей бесконечной, а ключ в замочную скважину удалось вставить лишь с четвертой попытки. Когда она наконец открыла дверь, голова у нее кружилась и боль вернулась.

По пути из столовой в гостиную Талли наткнулась на журнальный стол и едва не упала. В последнюю секунду ее спас отчаянный бросок к дивану. Облегченно вздохнув, она опустилась на пухлые белые подушки. Столик перед ней был завален почтой. Счета и журналы.

Она откинулась на подушки и закрыла глаза, размышляя о том, во что превратилась ее жизнь.

– Будь ты проклята, Кейти Райан, – прошептала она, обращаясь к лучшей подруге, которой больше не было рядом. Одиночество просто невыносимо. Но лучшая подруга умерла. Мертва! Вот с чего все началось. С потери Кейт. Неужели это так трагично? Талли начала оплакивать смерть лучшей подруги и так и не смогла вынырнуть из глубин скорби. – Ты мне нужна, – сказала она и закричала: – Ты мне нужна!

Тишина.

Голова Талли склонилась на грудь. Спала ли она? Возможно...

Открыв глаза, она затуманенным взглядом уставилась на грудку почты на журнальном столе. В основном рекламная макулатура, а еще каталоги и журналы, которые ее теперь не интересуют. Талли отвернулась, но в последнюю секунду ее взгляд зацепился за фотографию.

Нахмурившись, она наклонилась вперед и сдвинула почту в сторону; под грудой конвертов обнаружился журнал «Стар». В правом верхнем углу обложки помещена ее маленькая фотография. К слову сказать, не самая удачная, не та, которой можно гордиться. Ниже снимка одно-единственное ужасное слово. Наркоманка.

Дрожащими руками она схватила журнал, лихорадочно листая страницы, нашла статью. Снова ее фотография.

Статья была короткой, меньше страницы.

ПРАВДА И СЛУХИ

Старение – непростой процесс для любой женщины, находящейся в центре внимания общества, но особенно труден он для Талли Харт, звезды известного в недавнем прошлом ток-шоу «Подруги». Мара Райан, крестная дочь госпожи Харт, дала эксклюзивное интервью нашему журналу. Мара Райан подтверждает, что пятидесятилетняя Харт в последнее время сражается с демонами, преследовавшими ее всю жизнь. По словам мисс Райан,

в последние несколько месяцев Харт «с пугающей быстротой набирает вес», а также злоупотребляет алкоголем и наркотиками...

О боже... Мара?!

Предательство причинило ей такую боль, что стало трудно дышать. Талли прочла статью до конца и выронила журнал из рук.

Боль, которую она умирала столько месяцев и лет, вырвалась из заточения, и теперь Талли погружалась в такое темное одиночество, какое прежде ей было неизвестно. Впервые в жизни она даже не могла представить, как выкарабкается из этой ямы.

Она с трудом поднялась на ноги и протянула руку за ключами от машины. Перед глазами все плыло.

Больше она так жить не может.

2

3 сентября 2010 г., 4:16

Где я?

Что случилось?

Я делаю несколько неглубоких вдохов и пытаюсь пошевелиться, но тело не слушается, даже пальцы рук.

Наконец мне удастся открыть глаза. В них словно насыпали песок. В горле пересохло, так что я даже не могу сглотнуть.

Темно.

Рядом со мной кто-то есть. Или что-то. Оно грохочет – похоже на удары кувалды о металл. Вибрация сотрясает позвоночник, заставляет стучать зубы, отдается болью в голове.

Звук – скрежет и хруст металла – окружает со всех сторон. Он внутри меня, рядом со мной, снаружи – словно разлит в воздухе.

Удар, потом скрежет. Удар, потом скрежет.

Боль. Я чувствую, как она пронзает меня. Невыносимая, мучительная. И как только я чувствую и осознаю ее, все остальное перестает существовать.

Боль и приводит меня в чувство: голова буквально раскалывается, боль пульсирует в руке. Внутри у меня что-то сломано. Я пытаюсь пошевелиться, но от невыносимой боли теряю сознание. Очнувшись, повторяю попытку; воздух с хрипом вырывается у меня из груди. Я вдыхаю запах собственной крови, чувствую, как она течет у меня по шее.

Помогите! – Я пытаюсь позвать на помощь, но мою слабую попытку поглощает тьма.
ОТКРОЙТЕ ГЛАЗА.

Я слышу этот голос и чувствую огромное облегчение. Я не одна.

ОТКРОЙТЕ ГЛАЗА.

Не могу. Не могу сделать даже этого.

ОНА ЖИВА.

Тот же голос, на этот раз крик.

НЕ ШЕВЕЛИТЕСЬ.

Тьма вокруг меня смещается, колеблется и снова взрывается болью. Шум – что-то среднее между визгом пилы, вгрызающейся в древесину, и криком ребенка – наступает на меня со всех сторон. В темноте вспыхивают огоньки, похожие на светлячков, и при мысли о них мне почему-то становится грустно. Я устала.

РАЗ-ДВА-ТРИ – ВЗЯЛИ.

Я чувствую, как меня тянут и поднимают чьи-то холодные, невидимые во тьме руки. Я кричу от боли, но крик мгновенно затихает – а может, он звучит только у меня в голове.

– Где я?

Я ударяюсь обо что-то твердое и снова кричу.

ПОРЯДОК.

Я умираю!

Эта мысль обрушивается на меня так внезапно, что становится трудно дышать.

Я умираю.

3 сентября 2010 г., 4:39

Джонни Райан проснулся с тревожной мыслью: «Что-то случилось». Он сел и огляделся.

Смотреть было не на что – все как обычно.

Он в своем доме на острове Бейнбридж, в кабинете на втором этаже. Опять заснул за компьютером. Проклятие того, кто работает дома и один воспитывает детей. Днем времени на все не хватает, и приходится красть часы у сна.

Он потер усталые глаза. На мониторе компьютера рядом с ним застыло пиксельное изображение: уличный мальчишка сидит под мерцающей неоновой рекламой с сигаретой в руке, выкуренной почти до самого фильтра. Джонни нажал клавишу «Play».

На экране Кевин – уличная кличка Кудряшка – рассказывал о родителях.

– Им все равно, – пожав плечами, сообщил мальчик.

– Почему ты так уверен? – прозвучал голос Джонни за кадром.

Камера поймала взгляд Кудряшки – его глаза пылали болью и гневом.

– Ну, я же здесь, правда?

Джонни просмотрел эти кадры раз сто, не меньше. Он несколько раз говорил с Кудряшкой, но так и не узнал, где парень вырос, из какой он семьи и ждет ли кто-нибудь его вечерами, с тревогой вглядываясь в темноту.

Джонни хорошо знал, что такое родительская тревога, знал, что ребенок однажды может уйти в темноту и не вернуться. Именно поэтому он здесь днями и ночами работает над документальным фильмом о беспризорных детях. Может, если бы он лучше искал, задавал бы ребятам больше вопросов, то нашел бы ее.

Он всматривался в мелькающие на экране кадры. В тот вечер шел дождь, и бездомных ребят на улицах было мало. Тем не менее, когда на заднем плане мелькал женский силуэт, Джонни щурился, надевал очки и пристально вглядывался в экран. Мара?

Ни одна из девочек, с которыми он встретился, пока снимал фильм, не была его дочерью. Мара сбежала из дома и пропала. Джонни даже не знал, в Сиэтле она или нет.

Выключив свет в кабинете, он пошел по темному, тихому коридору. На стене слева висели многочисленные семейные фотографии в рамках с белыми паспарту. Джонни иногда останавливался и вглядывался в снимки, позволяя им увести его за собой, вернуть в счастливое прошлое. А иногда подолгу стоял перед портретом жены, неотрывно глядя на ее улыбку, некогда освещавшую для него этот мир.

Сегодня он не стал задерживаться возле них.

У комнаты сыновей Джонни остановился и приоткрыл дверь. Теперь, прежде чем лечь спать, он всегда так делал: заглядывал к своим одиннадцатилетним близнецам. Узнав, как стремительно может покатиться под откос жизнь, вы стараетесь защитить тех, кто остался рядом. Мальчики были в своих кроватях, спали.

Джонни облегченно выдохнул. Сам того не замечая, он перевел дыхание и шагнул к закрытой двери в спальню Мары. Здесь он не стал задерживаться. Он не мог заставить себя заглянуть в комнату и увидеть остановившееся время – это по-прежнему была комната его девочки, теперь необитаемая, в которой все осталось таким, как в тот день, когда Мара ее покинула.

Джонни прошел в спальню и закрыл за собой дверь. Комната была завалена одеждой, разными бумагами, а также книгами, которые он начинал читать и бросал, собираясь продолжить, когда жизнь войдет в нормальное русло.

По дороге в ванную Джонни стянул с себя рубашку, бросил в корзину для белья и посмотрел на свое отражение в зеркале. Иногда, глядя на себя, он думал: «Не так плохо для пятидесяти пяти», а иногда – как, например, теперь – «Уже?».

Он выглядел печальным главным образом из-за глаз. Волосы чуть длиннее, чем следовало бы, но в черной копне видны лишь едва заметные серебристые пряди. Вечно он забывает постричься. Джонни вздохнул, включил душ и шагнул под тугие струи обжигающе горячей воды, надеясь, что она смоет мрачные мысли. После душа он почувствовал себя бодрым, готовым начать следующий день. Смысла ложиться уже не было. Доспит как-нибудь потом. Он вытер голову полотенцем и натянул старую футболку с изображением группы «Нирвана», найденную на полу гардеробной, и потертые джинсы. Звонок телефона застал его уже в коридоре.

Стационарный.

Джонни нахмурился. На дворе две тысячи десятый год, и на домашний телефон теперь звонят редко.

И уж точно не в пять часов утра. В этот час могут прийти только плохие новости.

Мара!

Он бросился к телефону и схватил трубку:

– Алло?

– Могу я поговорить с Кэтлин Райан?

Проклятые рекламщики! Они что, не обновляют свои базы данных?

– Кэтлин Райан умерла почти четыре года назад. Вы должны вычеркнуть ее из списка контактов, – сдержанно ответил Джонни, ожидая стандартного вопроса: «У вас в семье решение принимаете вы?» Слушая молчание на другом конце линии, он все больше раздражался. – Кто говорит?

– Офицер Джерри Мелоун, полиция Сиэтла.

Джонни нахмурился.

– И вы звоните Кейт?

– У нас тут дорожный инцидент. На карточке в кошельке жертвы в качестве контактного лица при чрезвычайных ситуациях указана Кэтлин Райан.

Джонни присел на край кровати. В мире есть только один человек, у которого контактным лицом в случае чрезвычайной ситуации осталась Кэтлин Райан. Что, черт возьми, она теперь натворила? И кто сегодня хранит контактные телефоны в кошельке?

– Это Талли Харт, да? Управление автомобилем с состоянием алкогольного опьянения? Потому что если она...

– Я не обладаю этой информацией, сэр. В данный момент мисс Харт везут в больницу Святого Сердца.

– Как она?

– Не могу ответить на ваш вопрос, сэр. Вам следует поговорить с кем-нибудь из персонала больницы.

Джонни повесил трубку, нашел по Интернету телефон больницы и набрал номер. Потребовалось не меньше десяти минут, чтобы найти того, кто смог ответить на его вопросы.

– Мистер Райан? – переспросила женщина. – Насколько я поняла, вы ее родственник?

Джонни поморщился. Сколько времени прошло с тех пор, как он просто разговаривал с Талли?

Неправда. Он точно знает, когда это было.

– Да, – ответил Джонни. – Что с ней?

– Подробности мне не известны, сэр. Я лишь знаю, что в данный момент ее везут к нам.

Джонни посмотрел на часы. Если поторопиться, то он успеет на паром в пять двадцать и меньше чем через час будет в больнице.

– Я уже еду.

Он даже не понял, что не попрощался, пока не услышал в трубке гудки отбоя, и отключил телефон.

Потом схватил бумажник и снова взял трубку. Одной рукой он потянулся за свитером, другой набрал номер. Ждать пришлось долго, и Джонни вспомнил, что теперь раннее утро.

– Алло?

– Корин, прости, что так рано, но у меня чрезвычайные обстоятельства. Ты не могла бы забрать мальчиков и отвезти их в школу?

– Что случилось?

– Мне нужно в больницу Святого Сердца. Автомобильная авария. Я не хочу оставлять мальчиков одних, а отвезти их к тебе времени нет.

– Не волнуйся, – сказала она. – Буду у вас через пятнадцать минут.

– Спасибо, – поблагодарил Джонни. – Я твой должник. – Он выбежал в коридор и распахнул дверь спальни близнецов. – Одевайтесь, парни. Живее.

Оба мальчика сели в своих кроватях.

– Что? – переспросил Уильям.

– Мне нужно уйти. Корин заберет вас через пятнадцать минут.

– Но...

– Никаких «но». Вы едете домой к Томми. Возможно, Корин заедет за вами и после футбольной тренировки. Я не знаю, когда вернусь.

– Что случилось? – спросил Лукас, на его сонном лице появилось тревожное выражение. Они знали, что такое чрезвычайные ситуации, эти мальчики, и привычный порядок их успокаивал. Особенно Лукаса. Он весь в мать, заботливый и внимательный.

– Ничего, – коротко ответил Джонни. – Мне срочно нужно в город.

– Он думает, что мы маленькие. – Уильям откинул одеяло. – Пойдем, Скайуокер¹.

Джонни нетерпеливо взглянул на часы. Уже пять ноль восемь. Чтобы успеть на паром в пять двадцать, надо поспешить.

Лукас выбрался из постели и подошел к нему, глядя на отца снизу вверх, спутанные пряди каштановых волос падали ему на глаза.

– Это Мара?

Разумеется, мальчики волнуются за сестру. Сколько раз им пришлось навещать маму в больнице? А теперь одному Богу известно, в какую беду могла попасть Мара. Они оба переживают за нее.

Джонни забыл, какими мнительными мальчики могут быть даже теперь, четыре года спустя. Трагедия наложила печать на всех. Он старался изо всех сил, но никакие его усилия не компенсируют мальчикам потерю матери.

– С Марой все в порядке. Это Талли.

– Что с Талли? – спросил Лукас; вид у него был испуганный.

Мальчики очень любили Талли. Сколько раз за последний год они просили Джонни поехать к ней и сколько раз Джонни находил какую-нибудь отговорку! Он почувствовал себя виноватым.

– Всех подробностей я еще не знаю, но как только выясню, то сразу же вам сообщу, – пообещал Джонни. – К приходу Корин соберитесь в школу, ладно?

– Мы не маленькие, папа, – сказал Уильям.

– Позвонишь нам после футбола? – спросил Лукас.

– Обязательно.

¹ Скайуокер – герой научно-фантастических фильмов серии «Звездные войны».

Джонни поцеловал их на прощание и схватил ключи от машины, лежавшие на столике в прихожей. Потом в последний раз оглянулся – два похожих друг на друга как две капли воды мальчика, волосы которых давно нуждались в стрижке, в просторных трусах и больших, не по размеру, футболках стояли в дверях и с тревогой смотрели на него. Джонни повернулся и пошел к машине. Им уже одиннадцать лет, и они в состоянии какое-то время побыть одни.

Он сел за руль, завел двигатель и поехал к переправе. На пароме он остался в машине и все тридцать пять минут сидел неподвижно, нервно постукивая пальцами по обтянутому кожей рулю.

В шесть десять он подъехал к автомобильной стоянке перед больницей и припарковался в пятне света уличного фонаря. До восхода солнца оставалось полчаса, и город был погружен в темноту.

Джонни вошел в знакомую дверь больницы и направился к информационной стойке.

– Таллула Харт, – мрачно сказал он. – Я родственник.

– Сэр, я...

– Мне нужно знать, в каком она состоянии, причем немедленно. – Голос его прозвучал так резко, что женщина подскочила на стуле, словно от удара током.

– О, – пробормотала она. – Минутку, я скоро вернусь.

Джонни отошел от стойки администратора и принялся расхаживать по холлу. Господи, как он ненавидит это место, эти так хорошо знакомые запахи.

Он опустил на неудобный пластиковый стул и стал нервно притопывать ногой по полу. Медленно текли минуты, и каждая еще глубже погружала его в пучину отчаяния.

За прошедшие четыре года он научился как-то жить без жены, его единственной любви, но это было нелегко. Он сумел заставить себя не оглядываться назад – воспоминания были слишком болезненными.

Но разве здесь, в больнице, он может не вспоминать? Они приезжали сюда на операцию, на химиотерапию и сеансы облучения; они с Кейт провели здесь вместе много часов, убеждая друг друга, что раку не победить их любовь.

Они лгали друг другу.

И приняли неизбежное тоже здесь, в больничной палате. Это было четыре года тому назад. Он лежал рядом с Кейт на кровати, крепко обнимая ее и стараясь не замечать, как похудела она за этот год борьбы за жизнь. Из плеера рядом с кроватью доносился голос Келли Кларксон². *Таких моментов... кому-то приходится ждать всю жизнь.*

Он помнил выражение лица Кейт. Боль была словно огонь, пожиравший ее тело. Болело все: мышцы, кости, кожа. Она принимала столько морфия, сколько осмеливалась – хотела полностью контролировать себя, чтобы не испугать детей. «Я хочу домой», – сказала она.

Он смотрел на Кейт, и в голове у него была одна мысль: «Она умирает». Правда всей своей тяжестью навалилась на него, и на глазах выступили слезы.

– Мои малыши, – тихо сказала она и засмеялась. – Конечно, они больше не малыши. У них уже выпадают молочные зубы. Кстати, за каждый нужно давать доллар. Для зубной феи. И обязательно фотографируй. И Мара. Скажи ей, что я понимаю. В шестнадцать лет я тоже злилась на мать.

– Я не готов к этому разговору, – сказал он, ненавидя себя за слабость. И увидел разочарование в ее взгляде.

– Мне нужна Талли, – сказала Кейт, удивив его. Его жена и Талли Харт всю жизнь были лучшими подругами – до тех пор пока не рассорились. Последние два года они не

² Келли Кларксон – американская и канадская певица и актриса.

разговаривали, и в это время у Кейт обнаружили рак. Джонни не мог простить Талли ни саму ссору, в которой виновата была она, ни то, что ее не было рядом, когда Кейт так нуждалась в ней.

– Нет. После того как она с тобой поступила? – с горечью сказал он.

Кейт повернулась и придвинулась к мужу; Джонни видел, как ей больно.

– Мне нужна Талли, – повторила Кейт, на этот раз тише. – Она с восьмого класса была моей лучшей подругой.

– Я знаю, но...

– Ты должен простить ее, Джонни. Если я могу, значит, и ты сможешь.

– Она тебя обидела.

– А я ее. Бывает, что даже лучшие подруги ссорятся. Перестают отличать главное от второстепенного. – Кейт вздохнула. – Поверь, теперь я знаю, что главное, и она мне нужна.

– А почему ты думаешь, что она придет, если ты позовешь? Прошло столько времени.

Кейт улыбнулась, преодолевая боль.

– Она придет. – Кейт погладила его по щеке, заставила взглянуть ей в глаза. – Ты должен присмотреть за ней... потом.

– Не говори так, – прошептал он.

– Она не такая сильная, какой хочет казаться. Ты это знаешь. Обещай мне.

Джонни закрыл глаза. Все эти годы после смерти жены он старался изо всех сил, чтобы преодолеть горе и создать для своей семьи новую жизнь. Он не хотел вспоминать тот ужасный год, но разве это возможно, особенно теперь?

Талли-и-Кейт. Они были лучшими подругами почти тридцать лет, и, если бы не Талли, Джон не встретил бы любовь всей своей жизни.

С той самой секунды, когда Талли вошла в его обшарпанный кабинет, Джонни был буквально загипнотизирован ею. Ей исполнилось всего двадцать, и она была полна страсти и огня. Она хотела получить работу на небольшой телестудии, которой он тогда руководил. Джонни думал, что влюбился в нее, но это была не любовь, а что-то иное. Скорее, волшебные чары. Она была ярче и живее всех, с кем ему приходилось встречаться. Стоя рядом с ней, ты чувствовал себя так, словно после нескольких месяцев пребывания в темноте вдруг оказался на солнце. Джонни сразу понял, что она добьется своего и станет известной.

Когда Талли познакомила его со своей лучшей подругой, Кейт Муларки, которая рядом с ней выглядела серой мышкой, мусором, плывущим на гребне волны Талли, он почти не обратил на нее внимания. И только через несколько лет, когда Кейти осмелилась поцеловать его, в глазах этой женщины Джонни увидел свое будущее. Он помнил, как они впервые занимались любовью. Они были молоды – ему тридцать, ей двадцать пять – но невинной была только Кейти. «Так бывает всегда?» – тихо спросила она его тогда.

Любовь пришла к нему неожиданно, Джонни был к ней совсем не готов. «Нет, – даже тогда он не мог лгать ей. – Не всегда».

Поженившись, они издалека наблюдали за стремительной карьерой Талли на ниве тележурналистики, но, несмотря на то что их жизненные пути разошлись, женщины оставались близкими, как сестры. Они почти ежедневно звонили друг другу, и Талли приезжала к ним чуть ли не каждые выходные. Когда Талли отказалась от работы в телесетях и вернулась из Нью-Йорка в Сиэтл, чтобы сделать собственное ток-шоу, то попросила Джонни стать продюсером передачи. Это были счастливые годы. Успешные годы. Пока рак и смерть Кейти не разбили все вдребезги.

Теперь Джонни не мог удержаться от воспоминаний. Он закрыл глаза и откинулся на спинку стула. Он знал, когда все начало разваливаться.

На похоронах Кейт, почти четыре года назад. В октябре 2006-го. Он и Талли сидели рядом в первом ряду в церкви Святой Сесилии...

Напряженные, с затуманенными глазами, остро переживающие происходящее. Много лет они приходили в эту церковь, на ночную Рождественскую мессу и на Пасхальную службу, но теперь все было иначе. Золоченые украшения сменили белые лилии. Воздух в церкви был густым и сладким от их аромата.

Джонни сидел прямо, развернув плечи, – сказывалась выправка морского пехотинца. Он должен быть сильным, ради детей – их детей, ее детей. Он обещал это умирающей Кейт, но выполнить обещание будет трудно – он уже теперь понимал это. Рядом с ним сидела шестнадцатилетняя Мара – спина прямая и напряженная, руки на коленях. Уже много часов, а может, и дней она не смотрела на него. Джонни понимал, что должен перекинуть мост через расширяющуюся трещину, должен достучаться до дочери, но при взгляде на нее запааниковал. Он сидел, чувствуя, как подступают к глазам слезы, и твердил себе: «Не плачь. Будь сильным».

Джонни совершил ошибку, повернув голову налево, где стоял пюпитр с большой фотографией Кейт. Молодая женщина была запечатлена на пляже рядом с их домом на острове Бейнбридж – волосы развеваются на ветру. Улыбка яркая, как маяк в ночи, руки широко раскинуты навстречу трем детям, бегущим к ней. Кейт попросила его найти эту фотографию в одну из ночей, когда они лежали в постели, крепко обнявшись. Джонни понял смысл этой просьбы. «Не теперь», – прошептал он ей в ухо и погладил безволосую голову.

Больше она его не просила.

Да, не просила. Даже уходя из жизни, из них двоих она была сильнее, защищала их всех своим оптимизмом.

Сколько слов так и остались невысказанными, потому что она не хотела причинить ему страдания своим страхом? Сможет ли он понять, как она была одинока? Боже! Прошло только два дня. Всего два дня, а он уже хочет все вернуть. Снова обнять ее и сказать: «Скажи, малышка, чего ты боишься?»

Преподобный Майкл поднялся на кафедру и прихожане – и без того притихшие – замерли.

– Я не удивлен, что столько людей пришло попрощаться с Кейт. Она была так нужна многим из нас...

Была.

– И вы не удивитесь, что она дала мне четкие распоряжения относительно этой службы. Я ее не разочарую. Кейт просила меня сказать вам, держитесь друг за друга. Она хотела, чтобы вы превратили свою печаль в радость, которая всегда остается в жизни. Она хотела, чтобы вы помнили ее смех, ее любовь к своей семье. Она хотела, чтобы вы *жили*. – Его голос дрогнул. – Такой была Кэтлин Муларки Райан. Даже в самом конце своей жизни она думала о других.

Мара едва слышно простонала.

Джонни взял ее за руку. Она вздрогнула от его прикосновения, посмотрела на него и выдернула руку; в ее глазах было безмерное горе.

Заиграла музыка. Поначалу она казалась далекой – а может, мешала какофония звуков в его голове. Джонни не сразу узнал мелодию.

– О нет, – прошептал он, борясь с нахлынувшими чувствами.

Это была песня «Я от тебя без ума».

Под нее они танцевали на своей свадьбе. Джонни закрыл глаза и представил, что Кейт здесь, в его объятиях, и музыка уносит их прочь. «Прикоснись ко мне, и ты поймешь, что это правда».

Лукас – милый, почти восьмилетний Лукас, у которого снова начались ночные кошмары и который мог расплакаться из-за того, что не может найти детское одеяло, которое

уже давно было мало для него, – дернул его за рукав. «Мама говорила, плакать можно. Она попросила нас с Уильямом пообещать, что мы не будем бояться плакать».

Джонни даже не заметил, что плачет. Он вытер слезы, коротко кивнул и прошептал: «Все правильно, мой маленький мужчина», – но не решился посмотреть на сына. Слезы в глазах мальчика лишат его остатков мужества. Джонни просто отключился от происходящего. Он превращал слова священника в маленькие хрупкие камешки и бросал их в кирпичную стену. Камешки со звоном падали на пол, а Джонни сосредоточился на своем дыхании и пытался не думать о жене. Вспоминать ее он будет ночью, в одиночестве, когда никого не будет рядом.

Наконец – казалось, прошло несколько часов – служба закончилась. Джонни повел семью вниз, на поминальный обед. Оглядевшись, он почувствовал удивление и растерянность – десятки незнакомых или едва знакомых лиц напомнили ему, что у Кейт была и своя жизнь, о которой он ничего не знал, и от этого боль утраты только усилилась. При первой же возможности он увел детей из подвала церкви.

Парковка перед церковью была забита машинами, но внимание Джонни привлекло не это.

На парковке стояла Талли, подняв лицо к небу, освещенному последними лучами заходящего солнца. Она широко раскинула руки и двигала бедрами, словно в такт музыке.

Танцевала. Посреди улицы, перед церковью.

Он произнес ее имя. Голос его прозвучал так резко, что Мара поморщилась.

Талли повернулась, увидела, что они идут к машине, вытащила наушники из ушей и направилась к ним.

– Как все прошло? – тихо спросила она.

Джонни почувствовал, как изнутри поднимается волна ярости, и в отчаянии ухватился за нее. Все, что угодно, только не это бездонное горе. Разумеется, Талли в первую очередь думала о себе. Похороны Кейт – это очень больно, и Талли на них не пошла. Стояла на парковке и танцевала. *Танцевала!*

Называется, лучшая подруга! Кейт, наверное, простила бы Талли ее эгоизм, но для Джонни это было нелегко. Он повернулся к детям:

– Все в машину.

– Джонни... – Талли протянула руку, но он попятился. Он бы просто не вынес прикосновения – чьего угодно. – У меня не было сил войти, – сказала она.

– Да. А у кого они были?! – с горечью воскликнул он. Смотреть на нее – ошибка, это Джонни понял сразу. Рядом с Талли отсутствие Кейт ощущалось еще острее. Две женщины были неразлучны – смеялись, болтали, напевали песенки в стиле диско, нещадно фальшивя.

Талли-и-Кейт. Больше тридцати лет они были лучшими подругами, а теперь при взгляде на Талли боль становилась невыносимой. Это она должна была умереть. Кейт стояла пятнадцати таких, как Талли.

– Люди придут к нам домой, – сказал он. – Так хотела Кейт. Надеюсь, ты найдешь в себе силы.

Услышав ее резкий вдох, Джонни понял, что причинил ей боль.

– Это нечестно, – сказала Талли.

Не обращая внимания на ее слова и на нее саму, он посадил детей в свой внедорожник, и они поехали домой в мучительном молчании.

Слабые лучи вечернего солнца освещали дом в деревенском стиле. Во дворе царил беспорядок – за год болезни Кейт им никто не занимался. Джонни поставил машину в гараж и вошел в дом, в котором и шторы, и ковер еще хранили запах болезни.

– Что теперь, папа?

Ему не нужно было поворачиваться, чтобы понять, кто задал этот вопрос. Лукас – мальчик, который рыдал над каждой погибшей золотой рыбкой и каждый день рисовал картинки для умирающей матери. Мальчик, который снова стал плакать в школе и в свой последний день рождения сидел молча и даже не улыбнулся, разворачивая подарки. «Особенно Лукас, – сказала ему Кейт в ту ужасную ночь. – Он не сумеет сам с этим справиться. Поддержи его».

Джонни обернулся.

Уильям и Лукас стояли рядом, касаясь друг друга плечами. На близнецах были одинаковые черные брюки и серые джемперы. Утром Джонни забыл отправить мальчиков в душ, и их нуждавшиеся в стрижке волосы были всклокоченными, а кое-где все еще приматыми после сна.

Глаза Лукаса были широко раскрыты, на ресницах блестели слезы. Он знал, что мама ушла, но не мог понять, как это могло случиться.

Мара подошла к братьям и встала рядом с ними. В своем черном платье она выглядела худой и бледной и была похожа на призрак.

Дети смотрели на него.

Джонни должен был им что-то сказать, найти слова утешения, дать совет, который они запомнили бы. Как отец он был обязан посвятить следующие несколько часов воспоминаниям об их матери. Но как это сделать?

– Пойдемте, ребята, – со вздохом сказала Мара. – Я поставлю вам «В поисках Немо».

– Нет! – Лукас заплакал. – Не хочу «Немо».

Уильям поднял голову и взял брата за руку.

– Там мама умирает.

– Ах да, – сказала Мара. – А как насчет «Суперсемейки»?

Лукас угрюмо кивнул.

Джонни все еще пытался придумать, что, черт возьми, ему сказать убитым горем детям, когда послышался звонок в дверь.

Джонни поморщился. Потом он не мог понять, сколько прошло времени, почти не замечал собравшихся в его, в их доме людей, не видел открывающуюся и закрывающуюся дверь. Не видел захода солнца и опускающуюся за окнами ночь. Он все время приказывал себе: «Сделай что-нибудь, подойди, поздоровайся», – но не мог заставить себя сдвинуться с места.

Кто-то тронул его за руку.

– Мне очень жаль, Джонни, – услышал он женский голос и обернулся.

Женщина стояла рядом, одетая в черное платье, и держала в руках кастрюльку, накрытую фольгой. Даже под страхом смерти он не вспомнил бы, кто это.

– Когда Артур бросил меня ради той барменши, я думала, что жизнь кончена. Но ты продолжаешь просыпаться по утрам и однажды понимаешь, что все в порядке. Вы снова полюбите.

Джонни потребовалось все его самообладание, чтобы не ответить резкостью женщине, приравнивающей смерть к супружеской неверности; пока он пытался вспомнить, как ее зовут, появилась еще одна. Судя по огромному, накрытому фольгой подносу в ее крупных руках, она полагала, что больше всего он страдает от голода.

– ...лучший мир... – услышал Джонни и пошел прочь.

Он протиснулся сквозь толпу к бару, устроенному на кухне. По дороге ему встречались люди, произносившие самые разные сочетания все тех же бесполезных слов – «сожалею», «конец страданиям», «лучший мир». Он не останавливался и не отвечал, а продолжал идти. И не смотрел на расставленные по комнате фотографии – на подоконниках и прислоненные к настольным лампам. В кухне его встретила группа женщин со скорбными лицами, занятых делом: они снимали фольгу с кастрюлек и рылись в ящиках с кухонной утварью. При появ-

лении Джонни женщины замерли, словно птицы, обнаружившие рядом лису, и посмотрели на него. Их жалость и страх, что подобное может случиться и с ними, была почти осязаема.

У раковины с кувшином в руках стояла его теща Марджи. С громким стуком поставив кувшин с водой на кухонный стол, она откинула прядь волос с печального, осунувшегося лица и шагнула к нему. Женщины посторонились, пропуская ее. Она остановилась у бара, бросила в стакан лед, плеснула виски, содовую и протянула ему.

– Я не мог найти стакан, – пробормотал Джонни. Глупо. Стаканы стояли прямо перед ним. – Где Бад?

– Смотрит телевизор с Шоном и мальчиками. Это ему не под силу. Я имею в виду, оплакивать смерть дочери вместе со всеми этими незнакомцами.

Джонни кивнул. Тесть всегда был тихим человеком, а смерть единственной дочери сломала его. Даже Марджи, которая вплоть до своего последнего дня рождения оставалась энергичной и черноволосой, стремительно постарела после того, как узнала страшный диагноз дочери. Она сгорбилась, словно в любую секунду ожидала очередного удара судьбы. Она перестала красить волосы, и пробор на ее голове стал похож на замерзший ручеек. Очки без оправы увеличивали ее водянистые глаза.

– Иди к детям, – сказала Марджи, и ее бледная рука с синими венами легла ему на локоть.

– Я могу остаться здесь и помочь вам.

– Со мной все в порядке, – сказала она. – Но я волнуюсь за Мару. Очень тяжело терять мать в шестнадцать лет, и мне кажется, что теперь она жалеет, что ссорилась с матерью до того, как Кейт заболела. Иногда слова запоминаются, особенно сказанные в гневе.

Джонни сделал большой глоток, наблюдая, как лед постукивает в опустевшем стакане.

– Я не знаю, что им сказать.

– Дело не в словах. – Марджори крепче сжала его локоть и вывела из кухни.

Дом был полон людей, но Талли Харт выделялась даже в толпе скорбящих. Всегда в центре внимания. В черном обтягивающем платье, которое, наверное, стоило столько же, сколько некоторые машины, припаркованные на дорожке к дому, она даже в горе умудрялась выглядеть красивой. Ее распущенные по плечам волосы были темно-рыжими, и после похорон она освежила свой макияж. Талли стояла в гостиной, окруженная людьми, и энергично размахивала руками, вероятно рассказывая какую-то историю, и, когда она закончила, все рассмеялись.

– Как она может улыбаться?

– Талли кое-что знает о разбитом сердце – не забывай об этом. Она всю жизнь прятала свою боль. Я помню, как впервые увидела ее. Я шла через улицу Светлячков к ее дому, потому что она подружилась с Кейт, и мне хотелось узнать ее поближе. В старом обшарпанном доме я познакомилась с ее матерью, тогда она выбрала себе имя Облачко. Хотя «познакомилась» – это явное преувеличение. Облачко лежала навзничь на диване, с горкой марихуаны на животе. Она попыталась сесть, а когда у нее ничего не вышло, сказала: «Черт, я совсем обкурилась», – и снова плюхнулась на спину. Я посмотрела на Талли – ей тогда было лет четырнадцать – и увидела на ее лице печать стыда, которая остается с человеком на всю жизнь.

– У вас самой был отец алкоголик, но вы же это преодолели.

– Я влюбилась и нарожала детей. У меня есть семья. Талли считает, что ее может любить только Кейт. Сомневаюсь, что она успела осознать потерю, но, когда она все поймет, это будет ужасно.

Талли вставила в проигрыватель компакт-диск и включила музыку. Из динамиков зазвучала песня «Рожденный жить на воле»³.

Люди, собравшиеся в гостиной, отошли от нее; вид у них был оскорбленный.

– Кто хочет выпить? – спросила Талли.

Джонни понимал, что должен ее остановить, но не мог себя заставить подойти к ней. Не теперь. При взгляде на Талли он каждый раз думал: «Кейт умерла», и рана вновь начинала кровоточить. Отвернувшись, он пошел наверх к детям.

Подъем по лестнице отнял у него все силы.

У двери в комнату близнецов Джонни остановился, собираясь с духом.

Ты сможешь.

Он сможет. Обязан. Его дети только что узнали, что жизнь бывает несправедлива, а смерть разбивает сердца и семьи. Его обязанность – все им объяснить, сплотить их вокруг себя и исцелить.

Набрав полную грудь воздуха, как перед прыжком в воду, он открыл дверь.

В глаза ему бросились постели – незастеленные, смятые; покрывала с сюжетами из «Звездных войн» лежат перекрученными грудями. Темно-синие стены – Кейт сама раскрасила их, нарисовав облака, звезды и луну, – были украшены рисунками мальчиков и плакатами с любимыми киногероями. На комод гордо выстроились футбольные кубки и золотистая бейсбольная бита.

Бад, тесть Джонни, сидел в большом кресле, в котором обычно помещались оба мальчика, когда играли в видеоигры, а Шон, младший брат Кейт, спал на кровати Уильяма.

Мара сидела на ковре перед телевизором, Лукас рядом с ней. Уильям забился в угол и смотрел мультфильм, скрестив руки на груди; вид у него был сердитый.

– Привет, – тихо сказал Джонни и закрыл за собой дверь.

– Папа! – Лукас вскочил, и Джонни подхватил его на руки и крепко прижал к себе.

Бад неуклюже выбрался из мягкого кресла и встал. Он выглядел каким-то помятым в своем вышедшем из моды черном костюме с белой рубашкой и широким галстуком из полиэстера. За последние несколько недель на его бледном лице со старческими пигментными пятнами явно прибавилось морщин. Глаза под кустистыми седыми бровями смотрели печально.

– Я вас оставлю, – сказал он, подошел к кровати и потряс Шона за плечо. – Просыпайся.

Шон вздрогнул и резко сел. Он выглядел растерянным, но когда увидел Джонни, то все понял.

– Да, конечно, – пробормотал он и вслед за отцом вышел из комнаты.

Джонни слышал, как за его спиной щелкнул замок закрывшейся двери. На экране супергерои в ярких костюмах бежали по джунглям. Лукас выскользнул из рук отца и встал рядом.

Джонни смотрел на убитых горем детей, а они на него. Их реакция на смерть матери была такой же разной, как и они сами. Лукас, самый ранимый из всех, совсем растерялся из-за ухода мамы, и не мог понять, куда именно она ушла. Его брат-близнец Уильям был не так уязвим и в жизни опирался на силу и привычный порядок вещей. Потеря матери обескуражила и испугала его. А бояться он не любил и поэтому злился.

А Мара, шестнадцатилетняя красавица Мара, которой все всегда давалось легко, за год болезни матери замкнулась, стала сдержанной и тихой, как будто думала, что если совсем не будет издавать звуков, нарушать сложившееся равновесие, то сможет защититься от неизбежного. Джонни видел, как она переживает из-за того, что ссорилась с Кейт до ее болезни.

³ Песня, написанная Марсом Бонфаером и ставшая байкерским гимном в конце 1960–1970-х годов.

В глазах детей читалась одна и та же мольба. Они ждали, что он склеит осколки их распавшегося мира, облегчит непосильную боль.

Но Кейт была душой и сердцем семьи, тем цементом, который скреплял их. Она всегда знала, что сказать. А любые его слова будут ложью. Как они могут исцелиться? Станет ли им когда-нибудь легче? В чем найдут они утешение, продолжая жить без матери?

Вдруг Мара встала с пола и выпрямилась – с грацией, недоступной большинству девочек. В своей скорби она была похожа на сильфиду – бледная, почти бесплотная, в сером платье, с длинными черными волосами и почти прозрачной кожей. Джонни слышал, каким неровным было ее дыхание, словно она заставляла себя вдыхать воздух новой жизни.

– Я уложу мальчиков спать. – Мара протянула руку Лукасу. – Вставай, мелкота. Я читаю вам сказку.

– Так она хочет нас успокоить, – сказал Уильям, поджав губы. Мрачное и печальное лицо мальчика казалось взрослым.

– Потом будет легче, – сказал Джонни, ненавидя себя за слабость.

– Правда? – спросил Уильям. – А как?

– Да, папа, – поднял голову Лукас. – Как?

Джонни посмотрел на Мару, которая выглядела такой холодной и бледной, как будто была высечена из льда.

– Сон помогает, – глухо сказала она.

Джонни был бесконечно благодарен ей. Он понимал, что все делает неправильно, что не справляется, что именно он должен поддерживать их, а не наоборот, но внутри у него была пустота. Одна лишь пустота. Завтра, наверное, станет легче. И он все исправит.

Но увидев печаль и разочарование в глазах детей, он понял, что они не верят ему.

Прости, Кейти!

– Спокойной ночи! – Голос его звучал хрипло.

Лукас посмотрел на него:

– Я тебя люблю, папа.

Джонни медленно опустился на колени и раскрыл объятия. Сыновья бросились к нему, и он крепко прижал их к себе.

– Я тоже вас люблю.

Он смотрел поверх их голов на Мару, которую, похоже, не тронули его слова. Она стояла, выпрямившись во весь рост и расправив плечи.

– Мара?

– Не беспокойся, – тихо произнесла она.

– Мы обещали маме быть сильными. Вместе.

– Да. – Ее нижняя губа задрожала. – Знаю.

– Мы справимся, – сказал он, чувствуя, как дрожит его голос.

– Да. Обязательно справимся. – Мара вздохнула и посмотрела на братьев. – Пошли, мальчики. Пора готовиться ко сну.

Джонни понимал, что должен остаться, утешить Мару, но не находил слов.

Он поступил как трус – вышел из комнаты и закрыл за собой дверь.

Потом спустился по лестнице и, не обращая ни на кого внимания, стал проталкиваться к выходу. В прихожей он схватил куртку и вышел.

Стемнело, но звезд на небе не было. Их скрывали облака. Прохладный ветерок налетел на деревья, растущие на границе участка, и их толстые сучья раскачивались, словно в танце.

В ветвях над его головой на веревках были подвешены стеклянные банки с черными камешками и свечами внутри. Сколько ночей они с Кейт просидели под тиарой из огоньков, слушая, как волны бьются о берег, и разговаривая обо всем на свете!

Джонни ухватился за перила крыльца, боясь упасть.

– Привет!

Услышав голос Талли, он удивился и одновременно почувствовал раздражение. Ему хотелось побыть одному.

– Ты не стал со мной танцевать, – сказала Талли, приближаясь к нему. Она завернулась в синее шерстяное одеяло, края которого волочились по земле у ее босых ног.

– Должно быть, это перерыв, – сказал Джонни, поворачиваясь к ней.

– Что ты имеешь в виду?

Джонни почувствовал запах текилы. Интересно, насколько она пьяна?

– Шоу Талли Харт с ней самой в главной роли. Видимо, сейчас перерыв в твоём шоу?

– Кейт хотела, чтобы сегодня было весело. – Талли отшатнулась от него, она дрожала.

– Не могу поверить, что ты не пришла на ее похороны, – сказал Джонни. – Это разбило бы ей сердце, будь она жива...

– Кейт *знала*, что я не приду. Она даже...

– Считаешь, это нормально? Тебе не кажется, что для Мары было важно, чтобы ты была рядом? Или крестная дочь тебе безразлична?

Не дожидаясь ответа Талли – да и что она могла сказать, – Джонни повернулся и пошел к дому.

Джонни понимал, что разозлился несправедливо. В другое время, в другой, прежней, жизни он обязательно бы извинился. Кейт бы этого хотела, но теперь это было выше его сил. Все силы уходили на то, чтобы держаться на ногах. Его жена умерла сорок восемь часов назад, а в нем уже проявилось все худшее, что в нем было.

3

Той ночью, в четыре часа, Джонни отказался от попыток заснуть. Неужели он думал, что сможет найти покой в ночь после похорон жены?

Отбросив одеяло, он выбрался из постели. Дождь громко барабанил по крыше, и этот звук разносился по всему дому. У камина в спальне он коснулся выключателя, и голубые и оранжевые языки пламени с шипящим звуком лизнули искусственное полено. Джонни почувствовал слабый запах газа. Несколько минут он стоял перед камином и смотрел на огонь.

А потом его словно понесло течением. Это было самое подходящее слово, которым он мог описать свои странствия из комнаты в комнату. Несколько раз Джонни обнаруживал, что стоит в каком-то месте и смотрит на что-то, но не помнил, как сюда попал и зачем.

Он закончил свое путешествие в спальне. Ее стакан с водой все еще стоял на ночном столике, рядом лежали очки для чтения и варежки, которые Кейт надевала в последние дни, потому что все время мерзла. Он слышал – так же отчетливо, как звук собственного дыхания, – ее слова: «Ты был создан для меня, Джон Райан. Два десятка лет я любила тебя – как дышала». Это она сказала ему в последнюю ночь. Они лежали рядом, и он обнимал ее – Кейт сама была слишком слаба и не могла ответить на его объятие. Джонни помнил, как уткнулся лицом ей в шею и прошептал: «Не покидай меня, Кейт. Не сейчас».

Даже тогда, когда она умирала, он подвел ее.

Джонни оделся и спустился вниз.

Гостиную наполнял тусклый серый свет. Капли воды срывались с карнизов, образуя полупрозрачную пелену. В кухне на столе стояла перемытая посуда, а ведро заполнено бумажными тарелками и разноцветными салфетками. Холодильник и морозильник были заставлены контейнерами, укрытыми фольгой. Его теща сделала все, что нужно, пока он прятался в темноте и одиночестве.

Джонни включил кофеварку и попытался представить свою новую жизнь. Но видел лишь пустое место за обеденным столом, машину с другим водителем, отвозящую детей в школу, приготовленный другими руками завтрак.

Будь хорошим отцом. Помоги им справиться с этим.

Облокотившись на стол, он стал жадно глотать кофе. Наливая третью чашку, Джонни почувствовал прилив адреналина. Руки задрожали, и он заменил кофе апельсиновым соком.

Сначала кофеин, затем сахар. Что следующее, текила? Он не принимал сознательного решения уйти, просто почувствовал, что его уносит из кухни, где каждый квадратный дюйм напоминал о жене – ее любимый лавандовый лосьон для рук, тарелка с надписью: «ТЫ САМЫЙ ЛУЧШИЙ», которую она доставала при любых успехах детей, кувшин для воды, который ей перешел в наследство от бабушки и которым пользовались только в особых случаях.

Почувствовав, что кто-то тронул его за плечо, он недовольно поморщился.

Рядом с ним стояла Марджи, его теща. Она была полностью одета – джинсы, теннисные туфли и черная водолазка. Она через силу улыбалась.

Подошел Бад и встал рядом с женой. Он выглядел на десять лет старше Марджи. За последний год тесть стал еще молчаливее, хотя и раньше его нельзя было назвать разговорчивым. Бад стал прощаться с Кейти задолго до того, как остальные признали неизбежное, и теперь, когда она ушла, казалось, совсем лишился голоса. Как и на жене, на нем была повседневная одежда – джинсы на ремне с большой металлической пряжкой, которые подчеркивали выпирающий живот, клетчатая рубашка. Волосы у него заметно поредели, но их количество компенсировали кустистые брови.

Все молча прошли на кухню, где Джонни налил тестю и теще по чашке кофе.

– Кофе. Слава богу! – хрипло произнес Бад и обхватил чашку своими узловатыми пальцами.

– Через час Шон должен быть в аэропорту. Мы отвезем его, а потом можем вернуться и помочь, – сказала Марджи. – Останемся с тобой столько, сколько потребуется.

Джонни захлестнула волна нежности. Марджи понимала его лучше, чем его собственная мать, но теперь он должен справляться сам.

Аэропорт. Вот он, выход.

Сегодня не просто еще один день, и Джонни не мог делать вид, что все идет своим чередом. Он не в состоянии покормить детей, отвезти их в школу и отправиться на работу на телестанцию, продюсируя убогие развлекательные программы или передачи, которые не могут изменить ничью жизнь.

– К черту, мы уедем отсюда, – решительно сказал он.

– Да? – удивилась Марджори. – Куда же?

Он ответил первое, что пришло в голову:

– На Кауаи⁴.

Кейти любила Гавайи, и они давно собирались поехать туда с детьми.

Марджи пристально посмотрела на него сквозь свои очки.

– Бегство ничего не изменит, – произнес Бад.

– Знаю. Но здесь я просто погибну. На что ни посмотришь...

– Я понимаю тебя, – проговорил тесть.

– Чем мы можем тебе помочь? – Марджи коснулась его руки.

Теперь, когда у Джонни созрел план – пусть несовершеннолетний и зыбкий, – ему стало легче.

– Я займусь бронированием билетов. Не говорите детям. Пусть поспят.

– Когда вы уезжаете?

– Надеюсь, сегодня.

– Тебе надо позвонить Талли и предупредить ее. Она собиралась вернуться сюда в одиннадцать.

Джонни автоматически кивнул, но в данный момент Талли занимала его меньше всего.

– Ладно. – Марджи хлопнула в ладоши. – Я пока освобожу холодильник и переставлю все кастрюльки в морозильник в гараже.

– А я отменю доставку молока и позвоню в полицию, – сказал Бад. – Пусть приглядят за домом.

Джонни об этом даже не подумал. Подготовкой к путешествию всегда занималась Кейт.

– Иди, займись бронированием. – Марджи похлопала его по руке. – Мы тебя прикроем.

Поблагодарив тестя с тещей, Джонни направился в свой кабинет и включил компьютер. Все заняло меньше двадцати минут. В шесть пятьдесят он уже купил билеты на самолет, арендовал машину и снял дом. Осталось одно – сообщить детям.

Сначала он направился в спальню мальчиков в другом конце коридора. Подойдя к двухъярусной кровати, Джонни увидел, что братья, обнявшись, спят на нижней койке, словно пара щенков.

– Эй, Скайуокер, просыпайся. – Джонни взъерошил жесткие каштановые волосы Лукаса.

– Я хочу быть Скайуокером, – сонно пробормотал Уильям.

Джонни улыбнулся.

– Но ты же Завоеватель, разве не помнишь?

⁴ Один из островов Гавайского архипелага.

– Никто не знает, кто такой Вильгельм Завоеватель, – сказал Уильям, садясь на постели. На нем была сине-красная пижама с изображением Человека-паука. – Для этого нужна видеоигра.

Лукас тоже сел и обвел комнату затуманенным взглядом.

– Уже пора в школу?

– Сегодня школы не будет, – ответил Джонни.

– Потому что мама умерла?

Джонни поморщился:

– Наверное. Мы летим на Гавайи. Научу своих детей кататься на серфе.

– Ты сам не умеешь, – сказал Уильям, все еще хмурясь. Он уже превратился в скептика.

– Умеет. Правда, умеешь, папа? – Лукас с надеждой смотрел на отца – он был из породы доверчивых.

– Через неделю научусь, – пообещал Джонни, и мальчики с радостными криками запрыгали на кровати. – А теперь – чистить зубы и одеваться. Через десять минут я вернусь, и мы будем паковать чемоданы.

Мальчики спрыгнули с кровати и помчались в ванную, толкая друг друга локтями. Джонни вышел из комнаты и двинулся дальше по коридору.

Постучав в дверь спальни дочери, он услышал ее бесцветный голос:

– Да?

Задержав дыхание, он вошел. Джонни знал, что уговорить шестнадцатилетнюю, чрезвычайно общительную дочь будет непросто. Главное место в жизни Мары занимали подруги. Особенно теперь.

Она стояла возле незастеленной кровати и расчесывала свои длинные черные волосы. Одет Мара была для школы – в нелепые расклешенные джинсы и тесную футболку детского размера – и выглядела так, словно собиралась отправиться в турне вместе с Бритни Спирс. Джонни подавил раздражение. Теперь не время ссориться из-за этого.

– Привет, – поздоровался он, закрывая за собой дверь.

– Привет, – ответила Мара, не поднимая на него глаз. Голос ее звучал резко, на грани срыва – обычное дело теперь, когда она вступила в подростковый возраст. Джонни вздохнул – похоже, даже горе не смягчило дочь. Наоборот, еще больше озлобило ее.

Мара положила щетку для волос и повернулась к нему. Теперь он понимал, почему Кейт так ранило осуждение во взгляде дочери. Она словно пронзала тебя взглядом.

– Прости за прошлый вечер, – пробормотал Джонни.

– Без разницы. После школы у меня тренировка по футболу. Можно, я возьму мамину машину?

Джонни услышал, как дрогнул ее голос на слове «мамину». Он присел на край кровати и стал ждать, когда дочь сядет рядом. Не дождавшись, почувствовал, как его захлестывает волна отчаяния. Мара такая хрупкая и ранимая. Теперь они все такие, но Мара особенно – в этом она похожа на Талли. Они обе не умеют признаваться в своей слабости. Единственное, что может себе позволить Мара, – выразить недовольство, что отец нарушил ее утренний распорядок. Бог свидетель, на сборы в школу девочка тратила больше времени, чем монахи на утренние молитвы.

– Мы летим на Гавайи, на неделю. Мы можем...

– Что? Когда?

– Выезжаем через два часа. Кауаи...

– Ни за что! – взвизгнула Мара.

Ее вспышка гнева была такой резкой и неожиданной, что Джонни на секунду потерял дар речи.

– Что?

– Я не могу пропустить занятия. Для колледжа нужны высокие оценки. Я обещала маме, что хорошо закончу школу.

– Это похвально, Мара. Но нам нужно какое-то время побыть вместе, всей семьей. Чтобы понять, как жить дальше. Если хочешь, твои задания можно будет узнать.

– Если хочу? Если я хочу? – Она топнула ногой. – Ты ничего не знаешь о старших классах. Ты представляешь, какая там конкуренция? Как я поступлю в приличный колледж, если провалю этот семестр?

– Сомневаюсь, что одна неделя приведет к катастрофе.

– Ха! У меня углубленный курс алгебры, папа. И еще страноведение. И в этом году я в сборной команде школы по футболу.

Джонни понимал, что есть два варианта выхода из этой ситуации, правильный и неправильный, но не знал, который из них правильный, и, честно говоря, был слишком подавленным и усталым, чтобы задумываться.

Он встал.

– Мы уезжаем в десять. Собирай сумку.

Мара схватила его за руку.

– Разреши мне остаться с Талли!

Он посмотрел на дочь: от гнева на бледной коже проступили красные пятна.

– С Талли? В роли дуэньи? Ни в коем случае.

– Со мной тут могут побыть бабушка и дедушка.

– Мара, мы едем. Нам нужно побыть вместе, всем четверым.

Она снова топнула ногой:

– Ты губишь мою жизнь.

– Сомневаюсь. – Джонни понимал, что должен сказать нечто важное, имеющее значение для них обоих. Но что? Его уже тошнило от банальностей, которые люди предлагают тебе, словно мятные леденцы. Он не верил, что время лечит, что Кейт пребывает в лучшем мире и что они научатся жить без нее. Маре нельзя говорить какие-то ничего не значащие слова – девочка явно держится из последних сил. Как и он сам.

Мара резко повернулась, вышла в ванную и захлопнула за собой дверь.

Джонни знал, что нет смысла ждать, пока она передумает. У себя в спальне он схватил телефонную трубку и по дороге в гардеробную за чемоданом набрал номер.

– Алло? – Судя по голосу, Талли было так же скверно, как и ему.

Джонни понимал, что обязан извиниться за вчерашний вечер, но при мысли об этом его каждый раз захлестывала волна ярости. И он не удержался, чтобы не упомянуть о ее неприличном поведении, хотя прекрасно знал, что Талли будет защищаться. *«Так хотела Кейт»*. Это его и разозлило. Талли продолжала оправдываться, но он резко оборвал ее:

– Сегодня мы улетаем на Кауаи.

– Что?

– Нам нужно какое-то время побыть всем вместе. Ты сама говорила. Рейс в два, «Гавайскими авиалиниями».

– Времени на сборы немного.

– Да. – Его самого это уже волновало. – Мне нужно идти. – Она продолжала что-то говорить, спрашивать насчет погоды, но Джонни уже отключил телефон.

В этот будний день октября две тысячи шестого года в международном аэропорту Сиэтл – Такома было на удивление многолюдно. Они приехали рано, чтобы подвезти Шона, брата Кейт, который возвращался домой.

У стойки самообслуживания Джонни взял посадочные талоны и посмотрел на детей, у каждого из которых в руке был электронный прибор. Мара отправляла эсэмэски со своего

нового мобильного. Джонни понятия не имел, с кем она переписывается; впрочем, ему было безразлично. Это Кейт хотела, чтобы у шестнадцатилетней дочери был мобильный телефон.

– Я волнуюсь начесть Мары, – сказала Марджи, подходя к стойке.

– По всей видимости, я гублю ее жизнь, забирая с собой на Кауаи.

– Тсс, – шикнула на него Марджи. – Родители определяют жизнь шестнадцатилетней дочери, и это совершенно естественно. Меня беспокоит другое. Думаю, она жалеет о том, как вела себя с матерью. Обычно дети перерастают этот период, но если мама умирает...

Позади них пневматические двери аэропорта с шипением распахнулись, и внутрь влетела Талли – сарафан, нелепые босоножки на высоких каблуках и широкополая белая шляпа. За собой она тащила большую сумку от Луи Виттона.

Тяжело дыша, Талли остановилась перед ними.

– Что? В чем дело? Я успела, – если не перепутала время.

Джонни вытаращил глаза. Что, черт возьми, она тут делает? Марджи что-то пробормотала и покачала головой.

– Талли! – обрадованно вскрикнула Мара. – Слава богу!

Джонни взял Талли под руку и отвел в сторону.

– Я не приглашал тебя в это путешествие, Тал. Только мы вчетвером. У меня и в мыслях не было, что ты подумаешь...

– О... – Голос Талли был еле слышным, чуть громче шепота. Он видел, как ей больно. – Ты сказал «мы». Я думала, это и ко мне относится.

Джонни знал, как часто ее бросали, в том числе ее мать, но в данный момент у него не было сил переживать за Талли Харт. Он не знает, что делать с собственной жизнью, и теперь способен думать только о детях и о том, что нужно держать себя в руках. Пробормотав что-то неразборчивое, он отвернулся.

– Пошли, ребята, – хрипло сказал Джонни, дав детям несколько минут, чтобы попрощаться с Талли. Потом обнял родителей Кейт и прошептал: – До свидания.

– Пусть Талли поедет с нами, – захныкала Мара. – Пожалуйста...

Джонни молча шел вперед. Ничего другого он придумать не мог.

Следующие шесть часов, в воздухе и в аэропорту Гонолулу, дочь полностью игнорировала Джонни. В самолете она отказалась от еды, не смотрела фильм и не читала. Мара сидела через проход от него и мальчиков, качая головой в такт музыке, которую он не мог слышать.

Он был обязан убедить ее, что она не одинока – несмотря ни на что. Сделать так, чтобы она поняла: отец всегда рядом, и они по-прежнему семья, хоть эта конструкция теперь кажется шаткой.

Но важно правильно выбрать время. С девочками-подростками нужно тщательно выбирать момент, когда ты протягиваешь им руку – в противном случае можно на месте руки обнаружить окровавленный обрубок.

Они приземлились в Кауаи в четыре часа дня по местному времени, но у всех было такое чувство, что путешествие продолжалось несколько дней. Джонни ступил на трап вслед за мальчиками. Еще недавно он слышал бы их смех; теперь сыновья шли молча.

Он поравнялся с Марой:

– Эй!

– Что?

– Разве отец не имеет права сказать «эй» собственной дочери?

Она закатила глаза и, не ответив, пошла дальше.

Они миновали зону выдачи багажа, где женщины в свободных ярких платьях дарили гирлянды из пурпурных и белых цветов всем, кто приходил за своими вещами.

На улице ярко светило солнце. Ограда автостоянки была увита розовыми бугенвиллеями. Через десять минут они уже сидели в серебристом кабриолете «мустанг» и двигались на север по единственному шоссе на острове. Остановившись у магазина «Сейфуэй», они закупили продукты и снова погрузились в машину.

Справа тянулся бесконечный пляж с золотистым песком, обрамленным скалами из черной лавы и синими волнами. По мере продвижения на север растительность становилась более сочной, зеленой.

– Как здесь красиво, – сказал Джонни Маре, которая, сгорбившись, сидела рядом с ним на пассажирском сиденье и не отрывала взгляда от телефона. Писала эсэмэски.

– Да, – кивнула она, не поднимая головы.

– Мара, – предупреждая сказал Джонни. – Ты ступаешь по тонкому льду.

Дочь в упор посмотрела на него.

– Я получаю домашнее задание от Эшли. Я же говорила тебе, что не могу пропустить школу.

– Мара...

Девочка повернула голову и посмотрела направо.

– Волны. Песок. Толстые белые люди в гавайских рубашках. Мужчины, которые носят сандалии с носками. Потрясающий отпуск. Я совсем забыла, что у меня только что умерла мама. Спасибо. – Она снова принялась набирать текст на своем новеньком телефоне.

Джонни сдался. Дорога змейкой вилась вдоль береговой линии и спускалась в покрытую зеленью долину Ханалеи.

Город Ханалеи представлял собой беспорядочное скопление деревянных зданий, ярких вывесок и витрин. Джонни свернул на улицу, указанную на карте, и сразу же был вынужден притормозить, чтобы не столкнуться с велосипедистами и серферами, заполнившими обе стороны дороги. Арендованный дом оказался старомодным гавайским коттеджем и находился на улице под названием Веке-роуд. Джонни подъехал к дому по дорожке из коралловой крошки и заглушил мотор.

Мальчики тут же выскочили из машины, не в силах сдержать волнение. Джонни отнес два чемодана на переднее крыльцо и открыл дверь. Домик с деревянными полами был обставлен бамбуковой мебелью; мягкие подушки обтянуты тканью с цветочным узором. Кухня из дерева коа и обеденный стол располагались в левой половине дома, а удобная гостиная – в правой. Большой телевизор понравился мальчикам, которые сразу же кинулись к нему через весь дом с криком: «Чур, мы первые!»

Джонни подошел к стеклянным раздвижным дверям, обращенным к заливу. За поросшим травой двором раскинулась бухта Ханалеи. Он вспомнил их с Кейт последнюю поездку сюда. *Отнеси меня в постель, Джонни Райан. Обещаю, ты не пожалеешь...*

Уильям со всего размаху врзался в него.

– Мы хотим есть, папа.

– Умираем от голода, – подтвердил и подошедший к ним Лукас.

Ну, разумеется. Дома уже почти девять вечера. Как он мог забыть, что детям пора поужинать?!

– Конечно. Мы пойдем в бар, который нам с мамой очень нравился.

Лукас захихикал.

– Нам нельзя в бар, папа.

– В штате Вашингтон, возможно. – Джонни взъерошил волосы сына. – А здесь в бары пускают детей.

– Круто, – сказал Уильям.

Джонни слышал, как Мара вошла на кухню вслед за ним и стала раскладывать продукты. Это добрый знак. Не пришлось прибегать ни к просьбам, ни к угрозам.

Им понадобилось меньше получаса, чтобы выбрать себе комнаты, распаковать вещи и переодеться в футболки и шорты; затем они двинулись по улице к старому обшарпанному деревянному зданию почти в самом центре города. «Таити Нуи».

Кейти нравился полинезийский китч в стиле ретро, в котором был оформлен бар. И это был не просто декор – известно было, что на протяжении сорока лет здесь ничего не менялось.

В баре, заполненном туристами и местными жителями – их было легко отличить по одежде, – они нашли маленький бамбуковый столик рядом со «сценой», площадкой размером три на четыре фута с двумя табуретами и парой микрофонов на стойках.

– Тут здорово! – Лукас принялся высоко подпрыгивать на стуле, и Джонни забеспокоился, что сиденье провалится и сын окажется на полу. В обычной ситуации Джонни что-нибудь сказал бы, попытался успокоить мальчиков, но их радость оправдывала приезд сюда, и он молча потягивал свое пиво. Не успела официантка принести им пиццу, как появились музыканты – два гавайца с гитарами. Первой прозвучала известная песня «Где-то над радугой» в обработке для гавайской гитары.

Джонни почувствовал, как рядом с ним словно материализуется Кейт и начинает тихо подпевать, слегка фальшивя, но когда он повернулся, то увидел лишь мрачный взгляд Мары.

– Что? Я не отправляю эсэмэски.

Он не знал, что ответить.

– Без разницы, – сказала Мара. Вид у нее был недовольный.

Зазвучала новая песня. «Когда ты видишь Ханалеи при свете луны...»

Красивая женщина с выгоревшими на солнце белокурыми волосами и ослепительной улыбкой вышла на миниатюрную сцену и стала танцевать хулу⁵. Когда музыка смолкла, женщина подошла к их столику.

– Я вас помню, – сказала она Джонни. – В прошлый раз ваша жена хотела научиться танцевать хулу.

Уильям смотрел на женщину во все глаза.

– Она умерла.

– О! Мне очень жаль.

Господи, как он устал от этих слов!

– Ей было бы приятно, что вы нас помните, – все-таки поблагодарил он женщину.

– У нее была чудесная улыбка, – сказала она.

Джонни кивнул.

– Ну, – она похлопала его по плечу словно старого друга, – надеюсь, остров вам поможет. Если вы ему позволите. Алоха!

Потом, когда они возвращались к себе в лучах заходящего солнца, мальчики начали ссориться. Джонни понимал, что это от усталости, и не вмешивался; у него самого тоже не было сил. Дома он помог им подготовиться ко сну, подоткнул одеяла и поцеловал, пожелав спокойной ночи.

– Папа, а завтра мы будем купаться? – сонно спросил Уильям.

– Конечно, Завоеватель. За этим мы и приехали.

– Спорим, я буду первым? Лукас – трус.

– Нет, я не трус.

Джонни еще раз поцеловал их и встал. Потом провел рукой по волосам, вздохнул и принялся обходить дом в поисках дочери. Он нашел Мару на веранде; дочь сидела в шезлонге. Вода в бухте блестела от лунного света. Воздух пропитался ароматами моря и плюмерий. Сладкими, пьянящими, чувственными. Двухмильная дуга пляжа была усеяна яркими

⁵ Национальный гавайский танец.

точками костров, вокруг которых танцевали или просто стояли люди. Сквозь шелест волн пробивался веселый смех.

– Нужно было приехать сюда, когда мама была жива, – сказала Мара. Она выглядела такой юной, печальной и отстраненной.

Это жестоко. Они хотели. Сколько раз они собирались в путешествие, но потом отменяли его по какой-то причине, теперь уже забытой! Ты думаешь, что впереди еще вечность, а потом вдруг понимаешь, что это не так.

– Может, она смотрит на нас.

– Да. Точно.

– Многие люди в это верят.

– Мне бы тоже хотелось.

– Да. – Джонни вздохнул. – И мне тоже.

Мара встала и посмотрела на него.

– Ты ошибся.

– В чем?

– Пейзаж за окном ничего не меняет.

– Мне нужно было уехать. Ты это можешь понять?

– Ну да. А мне нужно было остаться.

С этими словами она повернулась и вошла в дом. Раздвижная дверь бесшумно закрылась за ней. Джонни замер, пораженный словами дочери. Он вдруг понял, что до сих пор не задумывался, что нужно его детям. Их потребности были вытеснены его собственными, а он решил, что им всем лучше уехать.

Кейт была бы им разочарована. Снова. Но самое худшее – он знал, что дочь права.

Джонни хотел увидеть вовсе не этот земной рай. Ему нужна улыбка жены, которую уже не вернуть.

Пейзаж за окном ничего не изменит.

4

Даже в раю – а может, именно в раю – Джонни спал плохо, не привыкший к одиночеству, но каждое утро просыпался рано, разбуженный слепящим солнцем, голубым небом и шумом волн, которые катились по песку со звуком, похожим на тихий смех. Обычно он вставал первым и начинал день с чашки кофе на веранде, наблюдая, как солнце освещает синие воды залива, по форме напоминающего подкову. Он мысленно разговаривал с Кейт, говорил то, что не решался сказать раньше. В последние месяцы, когда Кейт умирала, атмосфера в доме была мрачной, как серая фланель, тихой и какой-то душной. Джонни знал, что Марджи позволяет Кейт говорить обо всем, что ее страшит – о том, что она оставит детей, зная, как они будут горевать, о своей боли, – но Джонни не мог этого слушать, даже в последний день.

«Я готова, Джонни, – сказала она тихим, как взмах пера, голосом. – И хочу, чтобы ты тоже был готов».

«Я не могу», – ответил он. А должен был: «Я всегда буду тебя любить». Нужно было взять ее за руку и сказать, что все у них будет в порядке.

– Прости, Кейт, – произнес Джонни. Слишком поздно. Ему отчаянно хотелось увидеть знак, что она его слышит. Ветер, треплющий волосы, или упавший на колени цветок. Что-нибудь. Но ничего не происходило. Слышался только неумолчный шелест волн, катящихся по песку.

Остров помог мальчикам, думал Джонни. От рассвета до заката они не знали ни минуты покоя: бегали наперегонки по двору, учились кататься на пенных гребнях волн, закапывали друг друга в песок. Лукас часто говорил о Кейт, почти каждый день упоминая о ней в их разговорах. У него выходило так, будто мама пошла в магазин и скоро вернется. Поначалу его слова расстраивали их всех, но со временем – это было похоже на неутомимый накат волн – Лукас вернул Кейт в их круг, сделал так, что она незримо присутствовала с ними, невольно показал им, как нужно помнить ее. Фраза «Маме бы это понравилось» превратилась в привычный рефрен, помогая пережить потерю.

Хотя, конечно, не совсем. Проведя на Кауаи неделю, Джонни по-прежнему не знал, как помочь Маре. Казалось, от дочери осталась лишь внешняя оболочка – красивая, изящная, ухоженная, но с пустыми глазами и автоматическими движениями. Пока Джонни с мальчиками плескались в волнах прибоя, она сидела на берегу, слушая музыку и набирая текст на телефоне, словно эта связь была ее единственным спасением. Мара делала все, о чем ее просили, и не только, но превратилась в тень самой себя. Она была здесь и не здесь. При упоминании о Кейт Мара неизменно произносила: «Она умерла» – и уходила. Она всегда уходила. Эти каникулы ей были не нужны, и она не упускала случая напомнить об этом. И ни разу не вошла в воду, даже ног не намочила.

Вот и сейчас Джонни стоял по пояс в голубой воде, помогая мальчикам поймать волну на своих маленьких пенопластовых досках, а Мара сидела в шезлонге, отвернувшись от них.

К ней подошла группа молодых людей.

– Не задерживайтесь, парни, – пробормотал Джонни себе под нос.

– Что, папа? – крикнул Уильям. – Толкай меня!

Джонни толкнул Уильяма навстречу набегающей волне.

– Работай ногами! – крикнул он, не глядя на сына.

На берегу молодые люди сгруппировались вокруг его дочери, как пчелы вокруг цветка.

Парни были старше Мары, вероятно, студенты. Джонни уже собрался выйти из воды, пересечь полоску горячего песка и схватить одного из них за длинные волосы, как они отошли от девушки и двинулись дальше по пляжу.

– Только попробуйте вернуться, – прошептал он, шагая по двухфутовой пене прибоя к пляжу. – Что хотели эти парни с задворок? – самым непринужденным тоном спросил он дочь.

Мара не ответила.

– Они старше тебя, Мара.

Наконец дочь посмотрела на него. Солнцезащитные очки скрывали ее глаза.

– Я не занималась с ними сексом, папа. Мы просто разговаривали.

– О чем?

– Ни о чем.

С этими словами она встала и пошла к дому. Раздвижная дверь с громким стуком захлопнулась за ней. Всю неделю их разговоры ограничивались максимум тремя предложениями. Ее злость была словно тефлоновая оболочка. Иногда Джонни видел сквозь нее проблески боли, растерянности и горя, но это длилось лишь мгновение. Она пряталась за оболочкой из гнева, маленькая девочка внутри колючего подростка, и Джонни не знал, как к ней пробиться. Эта работа всегда ложилась на плечи Кейт.

В ту ночь Джонни лежал в постели без сна, закинув руки за голову и уставившись в потолок невидящим взглядом. Над ним лениво вращались лопасти вентилятора, и один раз за оборот их равномерный шелест прерывался щелчком. Решетчатые жалюзи на двери тихо позвякивали от ветра.

Его несколько не удивило, что в эту последнюю ночь их отдыха – если их путешествие можно так назвать – он не может уснуть. Так и должно быть. Он посмотрел на часы: четверть третьего.

Откинув одеяло, Джонни встал, открыл дверь и вышел на веранду. В небе висела полная луна, неправдоподобно большая и яркая. Черные силуэты пальм раскачивались в пропитанном пряными ароматами воздухе. Пляж был похож на подкову из потускневшего серебра.

Джонни долго стоял, вдыхая сладковатый воздух и прислушиваясь к плеску волн. Немного успокоившись, он подумал, что, наверное, сможет заснуть.

Он обошел дом. За прошедшую неделю у него вошло в привычку вставать к детям по ночам. Джонни осторожно приоткрыл дверь в комнату мальчиков. Они спали на кроватях, приставленных вплотную друг к другу. Лукас сжимал в руках любимую игрушку – плюшевую касатку. У его брата не было необходимости в этих детских утешениях.

Джонни осторожно прикрыл дверь и направился к спальне Мары, стараясь двигаться как можно тише.

Открывшаяся перед ним картина стала для него полной неожиданностью, и он растерянно замер.

Кровать дочери была пуста.

– Какого черта?..

Джонни включил свет и огляделся.

Мара исчезла. Вместе с золотистыми шлепанцами. И сумочкой. Их точно не было в комнате, и это значит, что дочь не похитили. И еще распахнутое окно – оно было заперто, когда Мара ложилась спать, и открыть его можно только изнутри.

Она сбежала.

– Сукин сын, – выругал себя Джонни, прошел на кухню и стал рыться в ящиках буфета в поисках фонаря. Потом отправился на поиски дочери.

Пляж был почти пуст. Время от времени ему попадались парочки, которые шли, взявшись за руки, вдоль серебристой пены прибоя или сплелись в объятиях на пляжных полотенцах. Он не колеблясь направлял яркий луч фонаря на каждого, кто попадался ему на пути.

У старого бетонного пирса, выдававшегося далеко в море, он остановился и прислушался. Смех и запах дыма. Невдалеке горел костер.

Запах марихуаны.

Джонни по траве двинулся к деревьям. Это место местные жители называли Черным пляжем.

На полоске суши, отделявшей залив Ханалеи от реки с тем же названием, горел костер. Даже отсюда Джонни слышал хриплые звуки музыки – Ашер⁶, в этом не могло быть сомнений, – из дешевых пластиковых динамиков. В темноте виднелись зажженные фары нескольких машин.

Он заметил подростков, танцевавших вокруг костра; другая группа собралась у пенопластовых холодильников.

Мара танцевала с длинноволосым приземистым парнем; рубашки на нем не было. Покачивая бедрами в такт музыке, она допивала пиво. На ней была джинсовая юбка, такая короткая, что могла сойти за салфетку, и маленький топик, открывавший плоский живот.

На Джонни никто не обращал внимания. Когда он схватил Мару за запястье, она сначала засмеялась, но потом ойкнула, узнав отца.

– Эй, старикан, – буркнул ее танцевальный партнер и нахмурился, пытаясь сфокусировать взгляд.

– Ей шестнадцать лет, – сказал Джонни и подумал, что ему следует дать медаль за то, что он одним ударом не вырубил парня.

– Правда? – Юноша выпрямился и отступил, вскинув руки.

– Как это понимать? Как вопрос, заявление или признание своей вины?

Парень растерянно заморгал.

– Эй. А что?

Джонни потащил Мару прочь. Сначала она протестовала, но, когда ее вырвало прямо на сандалии отца, умолкла. После того как ее стошнило еще дважды – Джонни придерживал ее волосы, – он обнял ее, не давая упасть.

У домика он подвел дочь к стулу на веранде.

– Я чувствую себя как кусок дерьма, – простонала она и плюхнулась на сиденье.

Джонни сел рядом.

– Ты хоть представляешь, в какие неприятности может влипнуть девушка в подобной ситуации?

– Давай, кричи на меня. Мне плевать! – Мара повернулась к нему. Тоска в ее глазах, скорбь, обида, злость – сердце Джонни разрывалось от жалости. Потеря матери наложит отпечаток на всю ее жизнь.

Он совсем растерялся. Джонни знал, что нужно дочери: поддержка. Ей нужно, чтобы он лгал ей, убеждал, что она может быть счастлива без матери. Но это неправда. Никто не будет понимать Мару так хорошо, как Кейт, и они оба это знали. В этом Джонни не сможет ее заменить.

– Без разницы. – Мара встала. – Не волнуйся, папа. Этого больше не повторится.

– Мара. Я пытаюсь. Дай мне...

Не обращая на него внимания, она прошла в дом. Дверь с громким стуком захлопнулась.

Джонни вернулся к себе в спальню. Он лежал в постели, прислушиваясь к шелесту и щелчкам вентилятора, и пытался представить, какая жизнь у него начнется завтра.

Но не смог.

⁶ Ашер – американский певец и актер.

Он не смог представить, как возвращается домой, как стоит в их кухне, как спит на своей половине кровати и ждет, что утром его разбудит поцелуй жены.

Похоже, нужно начинать все заново. Им всем. Это единственный выход. Недельный отпуск тут не поможет.

В семь часов по местному времени он взял телефон и набрал номер.

– Билл, – сказал Джонни, дождавшись ответа друга. – Тебе еще нужен исполнительный продюсер для шоу «Доброе утро, Лос-Анджелес»?

3 сентября 2010 г., 6:21

– Мистер Райан?

Джонни вернулся к действительности. Открыв глаза, он увидел яркий свет, почувствовал запах дезинфицирующего средства. Он сидел на жестком пластиковом стуле в холле больницы.

Перед ним стоял мужчина в синем хирургическом халате, брюках и шапочке.

– Я доктор Рэгги Бивен. Нейрохирург. Вы родственник Талли Харт?

– Да, – ответил Джонни после небольшой паузы. – Как она?

– В критическом состоянии. Мы стабилизировали ее для операции, но...

– «Код синий⁷. Девятая травма», – донеслось из динамиков.

Джонни встал.

– Это она?

– Да, – сказал врач. – Оставайтесь здесь. Я вернусь. – Не дожидаясь ответа, доктор Бивен побежал к лифтам.

⁷ Требуется экстренная реанимация.

5

Где я?

Темно.

Я не могу открыть глаза. Или могу, но смотреть не на что. Или у меня нет глаз. Может, я слепа.

НИЧЕГО.

Что-то ударяет меня в грудь с такой силой, что я перестаю чувствовать свое тело. Я выгибаюсь дугой, потом снова падаю.

НИЧЕГО ДОКТОР БИВЕН.

Потом наваливается боль, такая сильная, что я и представить не могла, такая, что заставляет тебя сдаться, а потом... ничего.

Я неподвижна, меня окутывает тьма, плотная и беззвучная.

Чтобы открыть глаза, требуется усилие. Тьма не ушла, но теперь она другая. Вязкая и черная, как вода на морском дне. Когда я пытаюсь пошевелиться, она сопротивляется. Я с трудом расталкиваю ее и сажусь.

Темнота рассеивается скачками: сначала сменяется серым туманом, потом появляется свет, тусклый и рассеянный, как на восходе солнца. И вдруг все становится ярким.

Я в какой-то комнате. Высоко. Смотрю вниз.

Внизу я вижу группу людей, которые лихорадочно движутся и выкрикивают непонятные слова. Комната заставлена аппаратурой, на светлом полу подтеки чего-то красного. Знакомая картина: нечто подобное я уже видела.

Это все врачи и медсестры. Я в больничной палате. Они пытаются спасти чью-то жизнь. Они сгрудились вокруг тела на больничной каталке. Женского тела. Нет. Пойдите.

Моего тела.

Разбитое, окровавленное, обнаженное тело на каталке – это я. Это моя кровь капает на пол. Я вижу свое разбитое лицо, все в синяках и ссадинах...

Странно, но я ничего не чувствую. Это же я, Талли Харт. Мое тело истекает кровью, и в то же время я парю в воздухе, над всеми, в углу у самого потолка.

Белые халаты сгрудились вокруг моего тела. Они кричат друг на друга – я вижу, как они взволнованы, по широко открытым ртам, красным щекам и морщинам на лбу. Они притаскивают в палату другую аппаратуру – колесики со скрежетом скользят по окровавленному полу, оставляя следы, белые на красном.

Голоса произносят звуки, которые ни о чем мне не говорят, – как взрослые в телевизионном шоу Чарли Брауна. *Уа-уа-уа.*

ЕЙ НУЖНА РЕАНИМАЦИЯ.

Я должна переживать, но почему-то совершенно спокойна. Происходящая внизу драма похожа на мыльную оперу, которую я уже видела. Я поворачиваюсь, и стены внезапно исчезают. Где-то вдали я вижу яркий, искрящийся свет. Он манит меня, согревает.

Я думаю: «Иди» – и тут же начинаю двигаться. Мир вокруг меня такой четкий и яркий, что больно глазам. Синее-синее небо, зеленая-зеленая трава и белый как снег цветок, падающий из похожих на вату облаков. И свет. Чудесный, яркий свет – ничего подобного я еще не видела. Впервые меня охватывает ощущение покоя. Я иду по траве, и передо мной появляется дерево, сначала это кривой саженец, а потом он начинает расти прямо у меня на глазах, раскидывая ветви в стороны, пока не заслоняет все. Я задумываюсь, не вернуться ли назад – иначе дерево прорастет сквозь меня, поглотит своими спутанными корнями. Дерево все растет, и вдруг наступает ночь.

Подняв голову, я вижу звезды на небе. Большая Медведица. Пояс Ориона. Созвездия, которые я еще девочкой наблюдала во дворе в те времена, когда мир был еще мал и не мог вместить все мои мечты.

Откуда-то издалека доносятся первые аккорды музыки. *«Не геройствуй, Билли...»*

Эта песня так трогает меня, что становится трудно дышать. В тринадцать лет она вызвала у меня слезы. Кажется, тогда я думала, что она о трагедии любви. Теперь я знаю, что в ней поется о трагедии жизни.

Не играй со своей жизнью.

Передо мной появляется велосипед – старомодный женский велосипед с седлом «банан» и белой корзинкой впереди. Он прислонен к живой изгороди из роз. Я подхожу, сажусь в седло и еду... Куда? Не знаю. Впереди возникает дорога, уходящая вдаль. Посреди звездной ночи я, как в детстве, лечу на велосипеде с холма, и волосы хлещут меня по лицу.

Я узнаю это место – холм Саммер-Хиллз. Оно навечно со мной. Наверное, это все-таки происходит не в реальности. На самом деле я лежу на больничной койке, разбитая и истекающая кровью. Это мне просто чудится. Но мне все равно.

Я раскидываю руки в стороны и позволяю велосипеду набирать скорость, вспоминая, как впервые проделала этот трюк. Мы тогда были в восьмом классе, Кейт и я, – на этом холме, на этих велосипедах, начинали путь к дружбе, которая станет единственным романом в моей жизни. Разумеется, это я ее заставила. Кидала камешки в окна ее спальни, чтобы разбудить посреди ночи, и умоляла сбежать со мной.

Разве я знала, как изменит наши жизни то мгновение, когда нужно было сделать выбор? Нет. Но понимала, что должна изменить свою жизнь. Иначе и быть не могло. Моя мать достигла совершенства в искусстве бросать меня и исчезать, и все детство я провела в попытках выдать фантазии за истину. И только с Кейт я была откровенна. Лучшая подруга навек. Единственный человек, который любил меня, любил такую, какая я есть.

День, когда мы подружились, я никогда не забуду. Теперь мне почему-то кажется важным, что я его помню. Мы были четырнадцатилетними девчонками, совсем разными, соль и перец. В тот вечер я сказала своей обкуренной матери, что собираюсь на школьную вечеринку, и в ответ услышала пожелание хорошо повеселиться.

В темной роще меня изнасиловал парень, с которым мы были едва знакомы, а потом я шла домой одна. По пути я увидела Кейт, которая сидела на верхней перекладине ограды у своего дома. Она заговорила со мной:

– *Мне нравится сидеть тут ночью. Звезды такие яркие. Иногда, если долго смотреть на небо, начинает казаться, что мерцающие точки падают вокруг тебя, будто светлячки.* – *Из-за выпавшего зуба она слегка шепелявила.* – *Может, поэтому так называли нашу улицу. Наверное, ты думаешь, что я чокнутая, если говорю такое... Эй, что-то ты неважно выглядишь. И пахнет от тебя рвотой.*

– *Все нормально.*

– *Нормально? Точно?*

К своему ужасу, я расплакалась.

Это было началом. Началом нашей дружбы. Я рассказала ей о своем тайном стыде, и она протянула руку. Я вцепилась в нее, и с того дня мы были неразлучны. В старших классах школы, и в колледже, и потом тоже – все, что со мной происходило, становилось реальностью только после того, как я рассказывала об этом Кейт. День считался пропавшим, если мы не разговаривали. К восемнадцати годам мы стали неразлучной парочкой, *Талли-и-Кейт*. Я была с ней рядом на ее свадьбе, при рождении ее детей, когда она пробовала писать книгу; я была рядом, когда она умерла.

Я несусь вниз – раскинув руки, в окружении воспоминаний, и ветер треплет мои волосы – и думаю: *так я должна умереть.*

– *Умереть? Кто сказал, что ты умрешь?*

Этот голос я узнала бы когда угодно. Я тосковала по нему каждый день последних четырех лет.

– *Кейт.*

Я поворачиваю голову и вижу невероятное – Кейт на велосипеде рядом со мной. Чувства захлестывают меня, и я думаю: ну, конечно, это мой путь к свету, потому что она всегда была моим светом. На миг – краткий и прекрасный – мы снова становимся Талли-и-Кейт.

– Кейти, – с восторгом шепчу я.

Она дарит мне улыбку, над которой, похоже, не властны годы.

В следующую секунду мы уже сидим на поросшем травой грязном берегу реки Пилчук, как тогда, в семидесятых. Воздух пахнет дождем и темно-зеленой листвой деревьев. Гнилое, покрытое мхом бревно служит нам опорой. Перед нами журчащая река.

– *Привет, Тал,* – говорит Кейт.

От звука ее голоса внутри меня поднимается волна счастья, словно расправляет крылья прекрасная белая птица. Свет везде, мы буквально купаемся в нем. Меня снова охватывает это чудесное ощущение покоя, и я больше не волнуюсь. Я так долго страдала, а мое одиночество еще старше.

Я поворачиваюсь к Кейт, наслаждаюсь ее видом. Она почти прозрачная и как будто мерцает. Когда Кейт немного подвинулась, совсем чуть-чуть, я вижу под ней редкую траву. Кейт смотрит на меня, и я вижу в ее глазах печаль и одновременно радость, и удивляюсь, как такие разные чувства могут сосуществовать в идеальном равновесии. Она вздыхает, и я чувствую аромат лаванды.

Река журчит и плещется перед нами, обдает волнами густого, тяжелого запаха – новой жизни и разложения. Река превращается в музыку, нашу музыку; на гребнях волн появляются ноты, взлетают вверх, и я слышу старую песню Терри Джека: «Мы делили радость и веселились. Это было счастливое время». Сколько вечеров мы приносили сюда мой маленький транзисторный приемник, настраивали его, слушали музыку и болтали? «Танцующая королева», «Я с тобой как будто танцую», «Отель “Калифорния”», «Магия в твоих глазах»...

– *Что случилось?* – тихо спрашивает Кейт.

Я знаю, о чем она спрашивает. Почему я здесь – и в больнице.

– *Поговори со мной, Тал.*

Господи, как я ждала этих слов! Я хотела поговорить с лучшей подругой, рассказать, как я облажалась. Она всегда все улаживала. Но я не нахожу слов. Не могу выудить их из своей головы – они танцуют, словно феи, когда я протягиваю к ним руки.

– *Тебе не нужны слова. Просто закрой глаза и вспоминай.*

Я вспоминаю, когда же все у нас пошло наперекосяк. Тот день, который был хуже всех, тот день, который изменил все.

Октябрь шестого года. Похороны. Я закрываю глаза и вспоминаю, как стою одна посреди автостоянки у церкви Святой Сесилии... Вокруг меня машины, аккуратно припаркованные на разметке. Много внедорожников, отмечаю я.

Прощаясь, Кейт дала мне плеер и письмо. Я должна слушать «Танцующую королеву» и танцевать в одиночестве. Мне этого не хочется, но выбора нет. И действительно, когда я слышу слова «Ты можешь танцевать», музыка на мгновение уносит меня отсюда.

А потом все заканчивается.

Я вижу, как ко мне идет семья Кейт. Джонни, ее родители, Марджи и Бад, ее дети, ее брат Шон. Они похожи на военнопленных, освобожденных после долгого марша навстречу смерти – сломленные и удивленные, что еще живы. Мы встречаемся, и кто-то что-то говорит – смысл до меня не доходит. Я отвечаю. Мы делаем вид, что все в порядке. Джонни злится – другого я и не жду.

– Люди придут к нам домой, – говорит он.

– Так хотела Кейт, – прибавляет Марджи. Как она еще держится на ногах? Горе навалилось на нее всей своей тяжестью.

От мысли об этом – о так называемом «праздновании» жизни Кейт – мне становится плохо.

У меня не очень получалось превратить смерть в нечто позитивное. Но разве могло быть иначе? Я хотела, чтобы она боролась до последнего вздоха. Это была ошибка. Мне следовало прислушаться к ее страху, утешить ее. А вместо этого я пообещала, что все будет хорошо и она выздоровеет.

Но я дала еще одно обещание. В самом конце. Поклялась позаботиться о ее семье, быть рядом с ее детьми – и я больше не собираюсь ее подводить.

Я иду за Марджи и Бадом к их «вольво». В салоне машины пахнет так же, как в моем детстве в доме Муларки – ментоловыми сигаретами, духами «Джин Нейт» и лаком для волос.

Я представляю, что Кейт снова сидит рядом со мной на заднем сиденье, ее отец ведет машину, а мать выдыхает дым в открытое окно. Я почти слышу, как Джон Денвер поет о Скалистых горах.

Кажется, что четыре мили, отделяющие католическую церковь от дома Райанов, не кончатся никогда. Все, на чем останавливается мой взгляд, напоминает о Кейт. Кофейня, где она часто останавливалась, кафе-мороженое, где делали ее любимое *dulce de leche*, книжный магазин, куда она в первую очередь шла перед Рождеством.

А потом мы приехали.

Двор заросший, неухоженный, с высокой травой. Я вспоминаю, что Кейти всегда хотела заняться ландшафтным дизайном.

Мы останавливаемся, и я выхожу. Шон, брат Кейт, подходит ко мне. Он на пять лет младше Кейт и меня, но он такой худой, унылый и сгорбленный, что выглядит старше. Волосы у него редкие, очки давно вышли из моды, но зеленые глаза за стеклами очков так похожи на глаза Кейт, что я с нежностью обнимаю его.

Потом я отстраняюсь и жду, когда Шон заговорит. Он молчит, и я тоже. Мы никогда толком не умели разговаривать друг с другом, а сегодня не тот день, чтобы упражняться в красноречии. Завтра он вернется к своей работе в какой-то компании из Кремниевой долины – я представляю, что он живет там один, по ночам играет в видеоигры и питается одними сэндвичами. Я не знаю, верно ли мое представление, но так мне кажется.

Он уходит, и я остаюсь одна у машины – смотрю на дом, который всегда считала и своим тоже. А сейчас я не могу в него войти.

Не могу. Но должна.

Я делаю глубокий вдох. Единственное, что у меня хорошо получается, – это не сдаваться. Я всегда умела не обращать внимания на боль, улыбаться и продолжать жить. Именно это мне теперь нужно сделать.

Ради Кейт.

Я вхожу в дом и присоединяюсь к Марджи, которая возится на кухне. Вместе мы готовим стол. Я двигаюсь быстро, превращаясь в одну из тех суетливых женщин, которые похожи на колибри. *Не думай о ней. Не вспоминай.* Мы с Марджи работаем слаженно, без слов готовя дом к поминальному вечеру, который тягостен и ей, и мне. Я расставляю по дому подставки и прикрепляю к ним фотографии, которые заранее выбрала сама Кейт и которые отражают разные периоды ее жизни. Я не могу на них смотреть.

Услышав звонок, я делаю глубокий вдох – это единственное, что помогает мне держаться. За моей спиной раздается звук шагов.

Пора.

Я поворачиваюсь и заставляю себя улыбнуться, но улыбка получается кривой и быстро гаснет. Я осторожно пробираюсь сквозь толпу, наливая вино и убирая тарелки. Каждые пятнадцать минут – это очередной триумф воли. До меня долетают обрывки разговоров. Люди говорят о Кейт, делятся воспоминаниями. Я не слушаю – это слишком больно, а я и так держусь из последних сил, – но разные истории доносятся до меня отовсюду. Услышав о ее ставке на аукционе «Ротари», я понимаю, что люди в этой комнате говорят о Кейт, которая мне незнакома, и от этого моя печаль только усиливается. И не только печаль. Ревность.

Женщина в плохо сидящем на ней и давно вышедшем из моды черном платье подходит ко мне и говорит:

– Она много о вас рассказывала.

Я благодарно улыбаюсь.

– Мы были лучшими подругами больше тридцати лет.

– Она так храбро держалась во время химиотерапии, правда?

Я ничего не могу на это ответить. Тогда меня не было рядом с ней. В нашей тридцатилетней дружбе случился двухлетний перерыв, когда мы поссорились. Я знала, как Кейт переживала, и пыталась помочь, но, как всегда, сделала все не так. В конечном счете я сильно обидела Кейт и не извинилась.

Моя самая близкая подруга без меня боролась с раком, и ей удалили обе груди. Меня не было рядом, когда у нее выпадали волосы, когда пришли плохие результаты анализов или когда она решила прекратить лечение. Я буду жалеть об этом до последнего вздоха.

– Второй сеанс был тяжелым, – говорит другая женщина, которая одета так, словно пришла с занятий йогой – черные легинсы, балетки и просторный черный кардиган.

– Я видела, как она брила голову, – говорит еще одна женщина. – Она смеялась, называла себя «солдатом Кейт». Я ни разу не видела, как она плачет.

Я с трудом сглатываю.

– Она принесла лимонные батончики на спектакль Мары, помните? – говорит кто-то еще. – Только Кейти могла принести угощение, когда...

– Она умирала, – тихо заканчивает за нее другая женщина, и обе умолкают.

Я этого больше не могу выдержать. Кейт просила меня сделать так, чтобы, вспоминая ее, люди улыбались. *Никто не может оживить вечеринку так, как ты, Тал. Приди, ради меня.*

Обещаю, подруга.

Я оставляю женщин и подхожу к проигрывателю. Этот старый джаз не помогает. «Для тебя, Кейти Скарлетт», – говорю я и вставляю диск в прорезь. Звучит музыка, и я прибавляю громкость.

В другом конце комнаты я вижу Джонни. Любовь всей ее жизни и, как это ни печально, единственный мужчина в моей. Единственный мужчина, на кого я могла положиться. Я смотрю на него и вижу, какой он подавленный, сломленный. Наверное, тот, кто с ним не знаком, этого не заметит – опущенные плечи, плохо выбритые щеки, морщинки под глазами, оставленные чередой бессонных ночей. Я знаю, что ему нечем меня утешить, что горе опустошило его.

Я знаю этого человека большую часть жизни, сначала как первого своего шефа, потом как мужа лучшей подруги. Во всех главных событиях в наших жизнях мы были рядом, и это меня утешает. Глядя на него, я не чувствую себя такой одинокой. Сегодня, когда я потеряла лучшую подругу, мне это очень нужно – заглушить одиночество. Но я не успеваю подойти к нему, потому что он отворачивается.

Музыка, наша музыка, живительным эликсиром струится по моим жилам, заполняет меня. Не отдавая себе отчета, я начинаю раскачиваться под ее ритм. Я знаю, что должна улыбаться, но печаль снова просыпается у меня внутри. Я вижу, как смотрят на меня люди.

Во все глаза. По их мнению, я веду себя неприлично. Но эти люди не знали ее. Я была ее лучшей подругой.

Музыка, наша музыка, возвращает ее мне, на что не способны никакие слова.

– Кейти, – шепчу я, как будто она рядом.

Я вижу, как все сторонятся меня.

Мне все равно, что они думают. Я оборачиваюсь и вижу ее.

Кейт.

Перед ее фотографией я останавливаюсь. На фотографии мы с Кейт. Молодые, улыбающиеся, обнимаем друг друга. Я не могу вспомнить, когда был сделан этот снимок – в девятых, судя по стрижке, которая мне не идет, жилетке и широким штанам с накладными карманами.

Горе выбивает почву у меня из-под ног, и я падаю на колени. Слезы, которые я сдерживала весь день, прорываются громкими рыданиями, сотрясающими мое тело. Теперь звучит песня группы «Путешествие» «Живи, не умирай» – и я плачу еще громче.

Сколько прошло времени? Вечность.

Наконец я чувствую руку на своем плече, ласковое прикосновение. Я поднимаю голову и сквозь слезы вижу Марджи. От нежности в ее взгляде слезы с удвоенной силой текут по моим щекам.

– Пойдем, – говорит она и помогает мне встать. Я цепляюсь за нее, позволяю отвести себя на кухню, которая заполнена женщинами, готовящими еду, а потом мы переходим в место потише. Мы обнимаем друг друга, но ничего не говорим. Что тут скажешь? Женщина, которую мы любили, умерла.

Умерла. И вдруг на меня наваливается усталость. Сил больше нет. Я сама себе кажусь увядшим тюльпаном. Тушь для ресниц жжет глаза, взгляд затуманивается от слез. Я касаюсь плеча Марджи, замечая, какой худой и хрупкой она стала.

Я вслед за ней возвращаюсь в гостиную, но сразу же понимаю, что больше не могу тут находиться. К своему стыду, я не в состоянии исполнить просьбу Кейт. Я не могу делать вид, что «праздную» ее жизнь. Я, которая всю свою жизнь притворялась, что у меня все отлично, теперь не могу этого сделать. Слишком мало времени прошло.

Мое следующее воспоминание – утро. Еще не открыв глаза, я вздрагиваю. *Она умерла.*

С моих губ срывается громкий стон. Неужели это моя новая жизнь – постоянно вспоминать о потере?

Проснувшись, я чувствую головную боль. Она пульсирует где-то в глубине, за глазами. Я плачу до тех пор, пока сон не сморил меня. Старая детская привычка, реанимированная горем. Напоминание о моей хрупкости.

Мое состояние унизительно, но я не могу найти сил, чтобы с ним бороться.

Собственная спальня кажется мне чужой. Последние пять месяцев я тут почти не бывала. В июне, узнав о болезни Кейт, я сразу же изменила свою жизнь. Бросила все – популярное ток-шоу на телевидении, квартиру – и посвятила жизнь заботе о лучшей подруге.

Звонит телефон, и я нетвердой походкой иду к нему, радуясь любому отвлечению. На дисплее высвечивается «Райан», и мысль: «Кейт звонит», – наполняет меня счастьем. Потом я вспоминаю.

Я беру телефон и напряженным голосом говорю:

– Алло?

– Что с тобой случилось вчера вечером? – спрашивает Джонни, не удосужившись даже поздороваться.

– Я не могла, – говорю я, опускаясь на пол рядом с кроватью. – Я пыталась.

– Да. Большой сюрприз.

– Что ты имеешь в виду? – Я сажусь. – Музыка? Так хотела Кейт.

– И ты даже не поговорила с крестной дочерью?

– Я пыталась... – Меня жгло чувство обиды. – Ей нужны только ее друзья. Я почитала мальчикам перед сном. Но... – Голос у меня срывается. – Я не могла этого вынести, Джонни. Без нее...

– Ты прекрасно обходилась без нее те два года, что вы были в ссоре.

У меня перехватывает дыхание. Раньше он никогда такого не говорил. В июне, когда позвонила Кейт и я бегом бросилась в больницу, Джонни, ни слова не говоря, снова принял меня в семью.

– Она меня простила. И можешь поверить, мне было плохо.

– Да.

– Ты хочешь сказать, что она меня не простила?

Джонни вздыхает.

– Все это уже не важно, – говорит он после долгой паузы. – Кейт тебя любила. И точка. Мы все страдаем. Господи, как нам это пережить? Каждый раз, когда я вижу кровать, ее одежду в шкафу... – Он кашлянул, прочищая горло. – Сегодня мы улетаем на Кауаи.

– Что?

– Нам нужно какое-то время побыть всем вместе. Ты сама говорила. Рейс в два, «Гавайскими авиалиниями».

– Времени на сборы немного, – говорю я. В моем воображении появляется чудесная картина – мы впятером на пляже, исцеляемся вместе. – Превосходно. Солнце и...

– Да. Мне нужно идти.

Он прав. Мы поговорим позже. А теперь мне нужно спешить.

Я отключаю телефон и приступаю к делу. Собрать вещи для путешествия в рай – это быстро, и меньше чем через двадцать минут я уже уложила сумку и приняла душ. Я стягиваю влажные волосы в хвост и начинаю торопливо краситься. Джонни терпеть не может, когда я опаздываю.

В гардеробной я нахожу дизайнерское платье цвета морской волны с белым от Лилли Пулитцер⁸, а к нему серебристые босоножки на высоких каблуках и белую соломенную шляпу.

Натягивая платье, я представляю предстоящее путешествие. Именно это мне и нужно – побыть с единственной семьей, которая у меня когда-либо была. Мы будем горевать вместе, делиться воспоминаниями, и душа Кейт будет с нами.

Мы нужны друг другу. Бог свидетель, как они мне нужны!

В одиннадцать двадцать – всего на несколько минут позже – я уже готова и вызываю такси. Кажется, время еще есть. Два часа с лихвой хватит, чтобы доехать до аэропорта.

Я хватаю свою сумку и выскакиваю из квартиры. Внизу перед домом меня уже ждет такси.

– Аэропорт СिएТЛ – Такома, – говорю я и ставлю вещи на обочину рядом с багажником.

Удивительно, но в это теплое осеннее утро улицы забиты машинами. Я все время поглядываю на часы.

– Быстрее, – то и дело нетерпеливо тороплю я водителя. В аэропорту мы подъезжаем к терминалу, и я выскакиваю из машины прежде, чем водитель успевает открыть дверь.

– Поторопитесь, – прошу я, ожидая, пока он выгрузит мои вещи, и снова смотрю на часы. Одиннадцать сорок семь. Я опоздала!

⁸ Культовый дизайнер одежды.

Наконец я хватаю сумку и бегу, придерживая рукой шляпу и волоча за собой чемодан. Большая соломенная сумка все время соскальзывает с плеча, царапая голую руку. Терминал заполнен людьми, и я не сразу нахожу их в толпе. Вот они – у стойки «Гавайских авиалиний».

– Я здесь! – кричу я и машу рукой, как участник игрового шоу, который хочет, чтобы его заметили. Бегу к ним. Джонни растерянно смотрит на меня. Я опять что-то напутала?

Тяжело дыша, я останавливаюсь перед ними.

– Что? В чем дело? Я успела – если не перепутала время.

– Ты всегда опаздываешь, – с улыбкой говорит Марджи. – Не в этом дело.

– Я слишком нарядно одета? У меня есть шорты и шлепанцы.

– Талли! – говорит Мара и улыбается. – Слава богу!

Джонни подходит ко мне, и Марджи оставляет нас одних. Их движения синхронизированы, похожи на танец, и это меня обескураживает. Джонни берет меня под руку и отводит в сторону.

– Я не приглашал тебя в это путешествие, Тал. Только мы четвером. У меня и в мыслях не было, что ты подумаешь...

Такое чувство, что меня ударили в живот, со всей силы.

– Ты сказал «мы». Я думала, это и ко мне относится. – Больше ничего мне в голову не пришло.

– Ты все понимаешь. – Это было утверждение, а не вопрос.

Наверное, я дура, потому что не понимаю.

Я снова чувствую себя брошенной десятилетней девочкой, которая сидит на пыльной веранде, оставленная матерью, и не может понять, почему о ней так легко забывают.

Близнецы подходят к нам с разных сторон, радостные и взволнованные, предвкушающие путешествие. Их растрепанные каштановые волосы слишком длинные и выются на кончиках; синие глаза блестят, а на лица вернулись улыбки.

– Ты едешь с нами на Кауаи, Талли? – спрашивает Лукас.

– Мы будем плавать на доске, – говорит Уильям, и я представляю, как активно он будет вести себя в воде.

– Мне нужно на работу, – бормочу я, хотя все знают, что я оставила свое шоу.

– Да, – говорит Мара. – Было бы весело, если бы ты поехала, и поэтому ты, естественно, не едешь.

Я вырываюсь из объятий мальчиков и иду к Маре, которая стоит в сторонке и что-то делает с телефоном.

– Не стоит быть такой строгой с отцом. Ты слишком молода и не знаешь, что такое настоящая любовь, а они ее нашли. Теперь Кейт умерла.

– Ага, и песок нам поможет?

– Мара...

– Можно, я останусь с тобой?

Мне так этого хочется, что начинаю подташнивать, и, хотя мой эгоизм ни для кого не секрет – Кейт часто обвиняла меня в нем, – я чувствую опасность. Дело не во мне. Джонни не хочет, и я это вижу.

– Нет, Мара. В другой раз. Ты должна быть с семьей.

– Я думала, ты тоже семья.

Веселье – вот и все, на что я способна. Я молчу.

– Без разницы.

Я смотрю, как они уходят, и чувствую болезненное, обжигающее одиночество. Никто из них не оглядывается.

Марджи подходит ко мне и протягивает руку. Ее мягкая старческая рука прижимается к моей щеке. Я чувствую запах ее любимого цитрусового лосьона для рук, а также легчайший аромат ментоловых сигарет.

– Им это необходимо, – тихо говорит Марджи. Я слышу ее хриплый голос и понимаю, до какой степени она измучена. – Как ты?

Ее дочь умерла, и она волнуется за меня. Я закрываю глаза, молясь, чтобы у меня хватило сил.

Потом я слышу, что она плачет; этот звук – тихий, как шелест листьев, – тонет в шуме аэропорта. Она так долго держалась – ради дочери и всех остальных. Я знаю, что словами тут не поможешь, и поэтому молчу. Просто обнимаю ее и крепко прижимаю к себе. Наконец она вытирает слезы и отстраняется.

– Может, поедешь с нами?

Мне не хочется быть одной, но я просто не в состоянии войти в дом на улице Светлячков. Пока.

– Не могу, – говорю я и вижу, что она понимает.

И каждый идет своей дорогой.

Я хожу по комнатам своей квартиры на последнем этаже высотки. Это место так и не стало мне домом. Здесь никогда никто не жил, кроме меня, и на самом деле квартира больше напоминала гостиничный номер. Почти нет памятных вещей или безделушек. Весь интерьер подбирала мой дизайнер, и ей, по всей видимости, нравилась слоновая кость. Сплошные оттенки белого – мраморные полы, белоснежная мебель, каменные и стеклянные столики.

По-своему тут очень красиво и похоже на дом женщины, у которой есть все. Но мне сорок шесть, и я одинока.

Работа.

Я всегда выбирала карьеру. Сколько я себя помню, у меня были грандиозные планы. Мы строили их в доме на улице Светлячков вместе с Кейт, когда нам было по четырнадцать лет. Я помню все, словно это было вчера – на протяжении многих лет я десятки раз рассказывала эту историю в разных интервью. О том, как мы с Кейт сидели у нее дома, а Марджи с Бадом смотрели телевизор, и вдруг Марджи повернулась и сказала: «Джин Энерсон меняет мир. Она одна из первых женщин, которым доверили вечерние новости».

И я заявила, что буду журналистом.

Эти слова были для меня естественны, как дыхание. Я хотела стать женщиной, которой будет восхищаться весь мир. И для этого я отвергла все мечты, кроме одной. Мне был необходим успех, как рыбе необходима вода. Кем я буду, если не добьюсь славы? Просто девчонкой без семьи, которую легко бросить и забыть.

Именно это у меня и было в жизни – слава, деньги и успех.

Я знаю, что делать. Пора возвращаться к работе.

Именно так я преодолею это горе. Буду вести себя так же, как всегда. Притворяться сильной. Позволю восхищению незнакомых людей стать мне утешением.

Я иду в гардеробную, чтобы сменить яркое платье на черные брюки и блузку. И понимаю, что поправилась. Брюки стали такими тесными, что мне не удастся застегнуть молнию.

Я хмурюсь. Как это я не заметила, что за последние несколько месяцев прибавила в весе? Я хватаю вязаную юбку и надеваю ее, с огорчением отмечая, что живот выпирает, а бедра раздались вширь.

Потрясающе! Еще один повод для беспокойства: прибавка в весе. Я хватаю сумку и направляюсь к выходу, не обращая внимания на грудку почты, которую управляющий нашего дома вывалил на мой кухонный стол.

До моей студии всего несколько кварталов, и обычно меня подвозит водитель, но сегодня – в честь увеличения своей задницы – я решила прогуляться пешком. Стоит чудесный осенний день, один из тех шедевров солнечного света, которые ставят Сиэтл в ряд самых красивых городов страны. Туристы уже разъехались по домам, и тротуары стали свободными – по ним снуют местные жители, стараясь не встречаться друг с другом глазами.

Я подхожу к большому, похожему на склад зданию, где находится моя компания, поставщик телевизионных программ – «Файерфлай инкорпорейтед». Место было до безобразия дорогим, как на площади Пайонир, потому что располагалось всего в одном квартале от синих вод бухты Эллиот, но цена меня никогда не волновала. Шоу, которое я продюсирую, приносит миллионы.

Я отпираю дверь и вхожу. В коридорах темно и пусто – напоминание о том, что я все бросила и ушла не оглядываясь. Тени собираются в углах и прячутся в проходах. Я иду в студию и чувствую, как учащенно бьется сердце. На лбу выступает пот, это меня раздражает. Ладони становятся влажными.

И вот я здесь, стою у красного занавеса, отделяющего сцену от моего мира. Я отдергиваю занавес.

В последний раз я вышла на эту сцену и рассказала аудитории о Кейти, о том, что у нее обнаружили инфильтративный рак молочной железы, описала тревожные признаки и ушла. Теперь я буду говорить о том, что произошло, о том, что чувствуешь, когда сидишь у постели лучшей подруги, держишь ее за руку и убеждаешь, что все будет хорошо, хорошо зная, что это ложь. Или когда забираешь ее таблетки и выливаешь остатки воды из кувшина рядом с пустой кроватью.

Я хватаюсь за стойку. Пальцы сводит от холодного металла, но стойка не дает мне упасть.

Я не могу. Пока. Я не могу говорить о Кейти, а если я не могу говорить о ней, значит, не могу вернуться в прежнюю жизнь, в студию, снова стать Талли Харт из дневных телепередач.

Впервые в жизни я не понимаю, кто я. Мне нужно разобраться в себе, снова обрести равновесие.

Когда я снова выхожу на улицу, идет дождь. Такая уж переменчивая погода в Сиэтле. Я прижимаю к себе сумку и торопливо иду по скользкому тротуару. Дойдя до дома, с удивлением обнаруживаю, что задыхаюсь.

Ну вот, пришла. Что дальше?

Я поднимаюсь в свой пентхаус и прохожу на кухню, где на столе громоздятся стопки почты. Забавно, что за несколько месяцев отсутствия я не вспоминала о том, из чего состояла моя жизнь. Не отвечала на письма, не распечатывала счета – даже не задумывалась об этом. Рассчитывала, что отлаженный механизм моей жизни – агенты, менеджеры, бухгалтеры, брокеры – будет поддерживать меня на плаву.

Я понимаю, что должна снова нырнуть в гущу дел, восстановить силы и вернуть прежнюю жизнь, но, честно говоря, одна мысль о том, чтобы просмотреть груды почты, приводит меня в уныние. Вместо этого я звоню своему бизнес-менеджеру Фрэнку. Свалю ответственность на него. Ведь это его работа: оплачивать мои счета и инвестировать мои деньги, облегчая мне жизнь. То, что мне теперь нужно.

На звонок никто не отвечает, а затем включается голосовая почта. Я не даю себе труда оставить сообщение. Кажется, сегодня суббота?

Может, стоит немного вздремнуть? Миссис Муларки часто говорила, что крепкий ночной сон все меняет, а мне так нужны перемены. Поэтому я иду в спальню, задергиваю шторы и забираюсь в кровать. Следующие пять дней я почти ничего не делаю – если не считать того,

что слишком много ем и плохо сплю. Каждое утро я просыпаюсь и говорю себе, что этот день настал, что сегодня я смогу выбраться из своей скорби и снова стать собой, а каждый вечер напиваюсь до такой степени, что не в состоянии вспомнить голос лучшей подруги.

А потом, на шестой день после похорон Кейт, до меня доходит. Идея настолько грандиозна и великолепна, что я не могу поверить, почему она раньше не приходила мне в голову.

Мне нужно очищение. Так я смогу отбросить всю эту черную печаль и жить дальше, так я исцелюсь. Я должна осмыслить свое горе и попрощаться с ним. И еще я должна помочь Джонни и детям.

И вдруг мне стало ясно, как это сделать.

Поздно вечером я проезжаю по дорожке к дому Райанов и останавливаю машину. Черно-лиловое небо усеяно звездами, легкий, пахнувший осенью ветерок шевелит зеленые юбки кедров, высаженных на границе участка. Я с трудом вытаскиваю сложенные картонные коробки, которые используют при переездах, из своего маленького блестящего «мерседеса» и тащу их через неухоженный, заросший сорняками палисадник, по которому разбросаны детские игрушки. Весь прошедший год уборка двора и стрижка газона были на последнем месте в списке необходимых дел.

В доме темно и тихо – таким я его не помню.

Я останавливаюсь и думаю: «Я не могу!» О чем это я думала?

Очищение.

Но не только, есть еще кое-что. Я помню наш с Кейт последний вечер. Она уже приняла решение, и мы все об этом знали. Это решение словно повисло на нас тяжелым грузом, и мы двигались медленнее, чем обычно, говорили шепотом. У нас остался всего один час, который мы могли провести вдвоем. Мне хотелось лечь рядом с ней, крепко обнять ее худенькое, тонкое как спичка тело, но это было уже невозможно – даже с коктейлем из обезболивающих, который она принимала. Каждый вдох причинял ей боль – и мне тоже.

«Позаботься о них, – прошептала Кейт, стискивая обеими руками мою ладонь. – Я сделала для них все, что смогла. – Она засмеялась, это был просто шелестящий выдох. – Они не будут знать, как начать жизнь без меня. Помогите им».

«А кто поможет мне?» – ответила я.

Стыд накрывает меня с головой; в животе какая-то пустота.

«Я всегда буду с тобой», – солгала она, и это было все. Потом она попросила позвать Джонни и детей.

И я все поняла.

Я крепче сжимаю коробки и тащусь вверх по лестнице, не обращая внимания, что картонные углы задевают за истертые и поцарапанные ступени. В спальне Кейт и Джонни я останавливаюсь, чувствуя себя незванным гостем.

Помогите им.

Что сказал Джонни во время нашего последнего разговора? *Каждый раз, когда я вижу ее одежду в шкафу...*

Я с трудом сглатываю ком в горле, прохожу в гардеробную и включаю свет. Одежда Джонни справа, аккуратно рассортированные вещи Кейт слева.

При взгляде на ее вещи я едва не теряю самообладание; колени у меня подгибаются. Нетвердо держась на ногах, я складываю одну коробку, скрепляю дно скотчем и ставлю рядом с собой. Потом хватаю охапку вешалок с одеждой и сажусь на холодный деревянный пол.

Свитера. Кардиганы, водолазки и пуловеры. Я аккуратно и бережно складываю каждую вещь, вдыхая еще не выветрившийся знакомый запах – лаванды и цитруса.

Все идет своим чередом, пока я не натыкаюсь на растянутую серую толстовку с эмблемой Университета Вашингтона, которая потеряла форму после многих лет стирки.

Меня накрывают воспоминания: мы с Кейт сидим в ее спальне и собираем вещи перед отъездом в колледж. Две восемнадцатилетние девушки, которые мечтали об этой минуте не один год, обсуждали все прошедшее лето, полировали свою мечту, пока она не засияла. Мы собираемся вступить в один и тот же университетский клуб и стать знаменитыми журналистами.

«Тебя примут», – тихо сказала тогда Кейт. Я знала, что она боится – незаметная девочка, которую одноклассники называли Кутей.

«Ты ведь знаешь, что я не вступлю ни в какой клуб, если тебя там не будет, да?»

Вот чего Кейт никогда не понимала или, по крайней мере, в это не верила: из нас двоих я больше нуждалась в ней, чем она во мне.

Я сворачиваю толстовку и откладываю в сторону. Заберу к себе домой.

Всю ночь я сижу в гардеробной лучшей подруги, вспоминая нашу дружбу и упаковывая в коробки ее жизнь. Сначала я пытаюсь быть сильной, и от этих попыток у меня начинает жутко болеть голова.

Ее одежда словно дневник нашего прошлого, наших жизней.

Наконец я натыкаюсь на жакет, который вышел из моды еще в конце восьмидесятых. Я подарила его Кейт на день рождения – из первых больших денег, которые заработала. На плечах блески.

«Ты не можешь себе этого позволить», – сказала она, вытаскивая фиолетовый двубортный жакет из коробки.

«Я знаю, что делаю».

Она рассмеялась.

«Да. Точно. Я беременна и начинаю толстеть».

«Когда родишь и приедешь ко мне в Нью-Йорк, тебе понадобится что-нибудь шикарное...»

Я встаю. Затем, прижимая жакет к груди, спускаюсь на кухню и наливаю себе еще один бокал вина. Из динамиков в гостиной звучит голос Мадонны. Я останавливаюсь и слушаю, и вдруг вспоминаю, что оставила свой ланч на столе, а ужин, купленный в ресторане навынос, отправится в корзину. Но разве я могу думать об этом, когда музыка снова заполняет меня, уносит в прошлое.

Тогда мы танцевали в таких костюмах, как этот. Я подхожу к проигрывателю компакт-дисков и прибавляю громкость, чтобы музыку было слышно наверху. На мгновение закрываю глаза, прижимаю жакет к груди и начинаю танцевать, представляя, что Кейт танцует рядом, толкает меня бедром и смеется. Потом возвращаюсь к работе.

Я просыпаюсь на полу в гардеробной Кейт; на мне ее черные брюки от тренировочного костюма и старая толстовка с эмблемой Университета Вашингтона. Винный бокал опрокинулся и разбился – и валяется рядом. Бутылка пуста. Неудивительно, что мне так плохо.

Я с трудом сажусь и отбрасываю упавшие на глаза волосы. Это моя вторая ночь здесь, и я почти закончила паковать вещи Кейт. Ее половина гардеробной пуста, а под серебристой рейкой для вешалок стоит пирамида из шести коробок.

На полу рядом с разбитым бокалом лежит дневник Кейт, который она вела в последний год жизни.

«Однажды Мара захочет узнать меня, – сказала Кейт, отдавая мне дневник. – Будь с ней рядом, когда она это прочтет. И мальчики... Покажи им эти записи, если они начнут меня забывать».

Внизу по-прежнему играет музыка. Вчера вечером я выпила слишком много вина и забыла выключить проигрыватель. Принц. «Фиолетовый дождь».

Я встаю, ноги подкашиваются, но меня поддерживает мысль, что я хоть что-то сделала. Джонни будет легче, когда он вернется. Одной трудной работой меньше.

Музыка внизу смолкает.

Я морщу лоб, поворачиваюсь, но, прежде чем успеваю выйти из гардеробной, на пороге появляется Джонни.

– Какого черта? – кричит он на меня.

Я так растерялась, что просто таращусь на него, не в состоянии ничего сказать. Разве они должны вернуться с Кауаи сегодня?

Джонни смотрит на выстроившиеся вдоль стены коробки с надписями: «Летняя одежда Кейт», «Благотворительность» и «Кейт, разное».

Я вижу, как он страдает, как пытается сдержать себя, и в это время появляются дети. Я бросаюсь к нему и жду, когда он ответит на мое объятие. Джонни не шевелится, и я отстраиваюсь. В глазах стоят слезы.

– Я знала, что тебе не захочется...

– Как ты посмела прийти в этот дом и побросать ее вещи в коробки, словно мусор? – Голос его срывается, дрожит. – На тебе ее толстовка?

– Я хочу помочь...

– Помочь? Винные бутылки и упаковка от еды на кухонном столе – это помощь? Музыка на пределе громкости – это помощь? Думаешь, мне станет легче при взгляде на ее пустую гардеробную?

– Джонни... – Я протягиваю к нему руки. Он отталкивает меня с такой силой, что я спотыкаюсь и едва не роняю из рук дневник.

– Отдай мне это. – Голос его звенит, как туго натянутая струна.

Я пчусь, прижимая дневник к груди.

– Кейт доверила его мне. Я должна быть рядом с Марой, когда она его прочтет. Я обещала.

– В том, что касается тебя, она во многом была не права.

Я качаю головой. Все происходит так быстро, что я не успеваю думать.

– Это ошибка – освободить ее гардеробную? Я думала, тебе...

– Ты всегда думаешь только *о себе*, Талли.

– Папа. – Мара обняла братьев. – Мама бы не хотела...

– Ее нет, – резко бросает он. Я вижу, как больно ему произносить эти слова, вижу страдание на его лице и шепчу его имя, не зная, что еще сказать. Он ошибается. Я хотела помочь.

Джонни отходит от меня. Потом проводит рукой по волосам и смотрит на детей; вид у них растерянный и испуганный.

– Мы переезжаем, – говорит он.

Мара бледнеет.

– Что?

– Мы переезжаем, – повторяет Джонни на этот раз увереннее. – В Лос-Анджелес. Я нашел там работу. Нам нужно начать все сначала. Я не могу жить здесь без нее... – Он обводит рукой спальню. Не решаясь взглянуть на кровать, он смотрит на меня.

– Если причина в том, что я пыталась помочь...

Джонни смеется. Сухой царапающий звук.

– Естественно, ты думаешь, что все дело в тебе. Ты меня слышишь? Я не могу жить в этом доме.

Я протягиваю к нему руки.

Он меня обходит.

– Просто уйди, Талли.

– Но...

– Уйди, – повторяет Джонни, и я понимаю, что он не шутит.

Я крепко прижимаю к себе дневник и проскальзываю мимо него. Я обнимаю обоих мальчиков и целую их пухлые щеки, пытаюсь запечатлеть их лица в своем сердце.

– Ты будешь к нам приезжать, да? – запинаясь, произносит Лукас. Маленький мальчик потерял так много, и неуверенность в его голосе буквально убивает меня.

Мара хватается мою руку.

– Можно, я буду жить с тобой?

За моей спиной раздается горький смех Джонни.

– Ты должна быть с семьей, – тихо отвечаю я.

– Это больше не семья. – Глаза Мары наполняются слезами. – Ты обещала ей, что не бросишь меня.

У меня уже нет сил это слушать. Я обнимаю крестную дочь с такой силой, что она начинает сопротивляться. Потом я отстраняюсь и ухожу, ничего не видя сквозь слезы.

6

– Пожалуйста, перестань жужжать, – говорю я Кейт. – Как я могу думать, когда ты так шумишь. – Это не особенно приятные воспоминания.

Я не жужжу.

– Ладно. Перестань пищать. – Тихий звук, похожий на писк комара у самого уха, постепенно усиливается и становится невыносимо громким. – Перестань! – У меня начинает болеть голова.

По-настоящему. Боль пробуждается где-то в глубине глаз, постепенно вырываясь наружу и превращаясь в пульсирующую мигрень.

Я тише воды и ниже травы на могиле.

– Очень смешно. погоди. Это не ты. Это похоже на гудок автомобиля. Какого че...

– МЫ ЕЕ ТЕРЯЕМ, – говорит, нет, кричит кто-то. Но кто?

Я слышу, как вздыхает Кейт рядом со мной. Этот звук почему-то навевает печаль, словно треск рвущегося старого кружева. Она шепчет мое имя, а затем говорит: «Пора». Меня это пугает – опустошение в ее голосе и само слово. Неужели я использовала все отведенное мне время? Почему я не сказала больше? Не задала вопросы? Что со мной случилось? Я знаю, что она знает.

– *Кейт?*

Ничего.

Внезапно я куда-то проваливаюсь, падаю.

До меня доносятся голоса, но слова не имеют смысла, а боль так сильна и жестока, что все силы уходят на то, чтобы не закричать.

ГОТОВО.

Я чувствую, как моя душа выходит из тела, отлетает. Я силюсь открыть глаза – а может, они открыты, неизвестно. Я просто чувствую тьму – противную, холодную, осязаемую, как угольная пыль. Я кричу, зову на помощь, хотя и понимаю, что это происходит лишь в моей голове. Я не могу даже открыть рот. Звук, который я представляю, разносится эхом, затихает – и я тоже...

3 сентября 2010 г., 6:27

Джонни стоял рядом с «девятой травмой». Ему потребовалось пять секунд, чтобы решиться последовать за доктором Бивеном к этой палате, и еще меньше времени, чтобы открыть дверь. В конце концов, он журналист. И сделал себе карьеру на том, что проникал туда, где его не хотели видеть.

Не успел он открыть дверь, как на него едва не налетела женщина в костюме хирурга.

Джонни посторонился, уступая ей дорогу, и проскользнул в заполненное людьми помещение. В ярком, режущем глаза свете люди в хирургических костюмах сутились вокруг каталки. Они говорили одновременно и двигались, словно клавиши пианино. Их фигуры заслоняли пациента – из-под синей простыни торчали лишь пальцы ног.

Запищал сигнал тревоги.

– Мы ее потеряли, – крикнул кто-то. – Заряжай.

Комнату заполнило громкое жужжание, заглушавшее голоса. Вибрация пробирала до самых костей.

– Готово.

Джонни услышал пронзительное жужжание, и тело на каталке изогнулось дугой и снова опустилось. Рука сползла с каталки и безжизненно повисла.

– Она вернулась, – послышался чей-то голос.

Джонни увидел на мониторе сигналы бьющегося сердца. Напряжение, похоже, спало. Несколько медсестер отошли от каталки, и он в первый раз увидел пациента.

Талли.

Такое ощущение, словно в палату вернулся воздух. Джонни наконец решился вдохнуть. Пол вокруг каталки был залит кровью. Медсестра наступила в лужу и едва не упала.

Джонни приблизился к каталке. Талли была без сознания; разбитое лицо окровавлено, из раны на руке торчит обломок кости.

Он прошептал ее имя – а может, только подумал. Потом проскользнул между двумя медсестрами; одна вводила в вену иглу, другая подтягивала простыню, чтобы прикрыть грудь Талли.

– Вам нельзя тут находиться. – Рядом с ним материализовался доктор Бивен.

Джонни махнул рукой, но ничего не сказал. У него было столько вопросов к этому человеку, а он молчал, потрясенный обширностью ее травм, и чувствовал себя виноватым. Ведь и он тоже сыграл тут свою роль. Обвинял Талли в том, в чем не было ее вины, и вычеркнул ее из своей жизни.

– Нам нужно перевезти ее в операционную, мистер Райан.

– Она выживет?

– Шансы не очень велики, – ответил доктор Бивен. – Освободите дорогу.

– Спасите ее, – сказал Джонни и попятился, пропуская каталку.

Оглушенный, он вышел из палаты и по коридору направился в комнату ожидания четвертого этажа, где в углу сидела женщина с вязальными спицами в руках и плакала.

Джонни подошел к женщине за стойкой, сообщил, что ждет известий о Талли Харт, а затем сел рядом с выключенным телевизором. Почувствовав первый укол приближающейся головной боли, он откинулся на спинку стула.

Он старался не вспоминать все плохое, что случилось за годы без Кейт, все свои ошибки – а их было достаточно. Просто молился Богу, от которого отрекся в день смерти жены и к которому вновь обратился после бегства дочери.

Несколько часов Джонни просидел в комнате ожидания, наблюдая, как приходят и уходят люди. Он еще никому не звонил. Ждал вестей о состоянии Талли. В их семье и так избы-

ток звонков с сообщением о трагедии. Бад и Марджи теперь жили в Аризоне, и Джонни не хотел, чтобы Марджи мчалась в аэропорт без крайней необходимости. Можно было бы позвонить матери Талли, даже в такой ранний час, но Джонни понятия не имел, как ее найти.

И еще Мара. Он даже не знал, ответит ли дочь на его звонок.

– Мистер Райан?

Джонни резко поднял голову и увидел приближающегося нейрохирурга.

Он хотел подняться ему навстречу, но сил не было.

Доктор Бивен тронул его за плечо:

– Мистер Райан?

Джонни заставил себя встать.

– Как она, доктор?

– Операцию перенесла. Пойдемте со мной.

Вслед за врачом Джонни прошел из комнаты ожидания для родственников в соседний конференц-зал, маленький и без окон. В центре стола вместо вазы с цветами стояла коробка с ватой.

Он опустил на стул. Доктор Бивен сел напротив.

– В данный момент наибольшие опасения у нас вызывает отек головного мозга. У нее серьезная травма головы. Мы поставили дренаж, чтобы уменьшить отек, но его эффективность не гарантирована. Мы также понизили температуру тела пациентки и погрузили ее в искусственную кому, чтобы снизить внутричерепное давление, но состояние критическое. Она на искусственной вентиляции легких.

– Я могу ее увидеть? – спросил Джонни.

– Конечно, – кивнул доктор Бивен. – Идите за мной.

Он повел Джонни по бесконечным белым коридорам, в лифт, из лифта. Наконец они добрались до отделения интенсивной терапии. Доктор Бивен направился к отдельному боксу со стеклянными стенами – двенадцать таких боксов располагались буквой «П» вокруг поста медицинской сестры.

Талли лежала на узкой кровати, окруженная аппаратурой. Ей сбрили волосы, а в черепе просверлили отверстие. Катетер и отсос помогали снизить внутричерепное давление. От тела отходили несколько трубок – дыхательная, питательная, из черепа. На черном экране за кроватью отображались цифры внутричерепного давления, на другом – кривая сердечного ритма. Левая рука Талли была в гипсе. Ее бледная синеватая кожа словно излучала холод.

– При травмах мозга очень трудно делать прогнозы, – сказал доктор Бивен. – Мы точно не знаем масштаба повреждений. Надеемся, что в ближайшие двадцать четыре часа ситуация прояснится. Я бы рад сообщить вам что-то более определенное, но прогнозы тут бессмысленны.

Джонни знал, что такое травма головы. Сам пережил ее, когда был репортером во время Первой иракской войны. Потребовалось несколько месяцев лечения, чтобы снова стать самим собой, а момента взрыва он до сих пор не помнит.

– У нее сохранится интеллект, когда она очнется?

– Вопрос в том, очнется ли она. Мозг функционирует, хотя из-за вводимых лекарств мы не знаем, насколько хорошо. Зрачки реагируют на свет, и это хороший признак. Мы надеемся, кома даст организму время на восстановление. Но если откроется кровотечение или увеличится отек...

Заканчивать предложение не было нужды. Джонни понял.

Чмокающий звук, издаваемый аппаратом искусственной вентиляции легких, каждый раз напоминал о том, что Талли не дышит сама.

Писк мониторов, жужжание индикаторов, уханье аппарата искусственной вентиляции – казалось, что кто-то возомнил себя Господом Богом и поддерживает в человеке жизнь.

– Что с ней случилось? – наконец спросил Джонни.

– Автомобильная авария, насколько мне известно, но подробностей я не знаю. – Доктор Бивен повернулся к нему. – Она верующая?

– Нет. Я бы так не сказал.

– Плохо. В таких ситуациях вера может дать утешение.

– Да, – сдержанно кивнул Джонни.

– Мы считаем, что коматозным пациентам полезно, когда с ними разговаривают, – сказал доктор Бивен.

Он снова похлопал Джонни по плечу и вышел из палаты.

Джонни сел у кровати Талли. Сколько же он пробыл рядом с ней, говоря беззвучно: «Сражайся, Талли», и шепча слова, которые не решился бы произнести громко. Наверное, долго, потому что чувство вины и угрызения совести тугим комком застряли у него в горле.

Почему обязательно должна произойти трагедия, чтобы все понять?

Он не знал, что говорить Талли теперь, когда между ними столько уже сказано – и столько осталось невысказанным. Хотя одно Джонни знал точно: будь Кейти здесь, она бы задала ему взбучку за то, как он вел себя после ее смерти и как обращался с ее лучшей подругой.

И он сделал единственное, что ему пришло в голову, пытаясь достучаться до сознания Талли. Принялся тихонько напевать – чувствовал себя глупо, но не останавливался – песню, которая всегда напоминала ему о Талли. «Городская девчонка, маленькая и одинокая...»

Где я? На том свете или на этом? Или где-то между?

– Кейт?

Я чувствую рядом с собой теплую волну и испытываю огромное облегчение.

– Кейти, – зову я и поворачиваюсь. – Где ты?

– *Ушла*, – отвечает она. – *А теперь вернулась. Открой глаза.*

Мои глаза закрыты? Поэтому так темно? Я медленно разлепляю веки, и это похоже на пробуждение в лучах солнца. Свет и жар настолько сильные, что у меня перехватывает дыхание. Мои глаза не сразу привыкают к яркому свету, но потом я вижу, что вернулась в больничную палату со своим телом. Идет операция. Сверху я вижу, как на серебристых подносах блестят скальпели и другие инструменты. Повсюду аппаратура – пищит, гудит, жужжит.

– *Смотри, Талли.*

Я не хочу.

– *Смотри!*

Я двигаюсь, хотя мне не хочется. Меня сковывает ледяная волна страха. Страх хуже, чем боль. Я знаю, что увижу на этом блестящем столе.

Себя. И в то же время как бы не себя.

Мое тело лежит на столе, накрытое синей простыней, оно в крови и в ранах. Медсестры и хирург переговариваются между собой; кто-то бреет мне голову.

Без волос я бледная и маленькая, как ребенок. Мужчина в хирургическом костюме расчерчивает мою лысую голову коричневой жидкостью.

Я слышу жужжание, похожее на звук пилы, и внутри у меня все холодеет.

– Мне здесь не нравится, – говорю я Кейт. – Забери меня отсюда.

– *Мы будем здесь, но ты можешь закрыть глаза.*

– С радостью.

На этот раз внезапная тьма не пугает меня. Причины я не знаю. Это действительно странно – внутри меня много не самых приятных эмоций, но страха среди них нет. Я ничего не боюсь.

– *Ха! Ты боишься любви больше, чем кто-либо из всех, кого я знала. Вот почему ты все время испытываешь людей, а потом отталкиваешь их. Открой глаза.*

Я открываю глаза, и какое-то время передо мной чернота, но потом сквозь нее начинают постепенно проступать цвета – как собирающиеся в цепочки компьютерные коды в фильме «Матрица». Сначала я вижу небо, синее и безоблачное, потом цветущий вишневый сад – гроздья розовых цветов льнут к ветвям, парят в сладком воздухе. Потом проступают здания, розовые готические постройки с изящными башнями, а последней – зеленая трава, которую пересекают бетонные дорожки. Мы в Университете Вашингтона. Краски такие яркие, что становится больно глазам. Везде молодые мужчины и женщины – бродят с рюкзаками за спиной, играют в хэки-сэк⁹, валяются на траве, раскрыв перед собой книги. Где-то на полную громкость включен транзистор, и из динамиков доносятся хриплые звуки песни «Я никогда не была собой». Боже, как я ее ненавидела!

– Но все это происходит не в реальности, – говорю я, – правда?

– *Реальность относительна.*

Мы сидим на траве, а неподалеку от нас лежат рядышком две девушки, блондинка и брюнетка. На блондинке свободные брюки и футболка, а перед ней раскрытый блокнот – такие есть у всех студентов. Другая девушка... Да, это я, признаю' – теперь я вспоминаю, что носила такую прическу, а волосы собраны наверх и удерживаются металлическим обручем, вспоминаю этот белый свитер с приспущенной проймой. Они – мы – такие юные, что я невольно улыбаюсь.

Я ложусь на спину, чувствуя, как трава колет обнаженные руки, вдыхаю ее знакомый запах. Кейт следует моему примеру. Сколько раз за четыре года учебы в Университете Вашингтона мы вот так лежали на лужайке? Над нами и вокруг нас волшебный свет, чистый и искрящийся, словно шампанское в лучах солнца. Это сияние приносит мне покой. Боль становится далекой и ослабевает особенно от осознания того, что Кейт снова рядом.

– *Что случилось этой ночью?* – спрашивает она, нарушая покой.

– Не помню. – Как ни странно, это правда. Я действительно не помню.

– *Ты можешь вспомнить. Но не хочешь.*

– Может, на то есть причина.

– *Может.*

– Зачем ты здесь, Кейт?

– *Ты звала меня, помнишь? Я пришла, потому что нужна тебе. И еще затем, чтобы напомнить.*

– О чем?

– *Мы – это наши воспоминания, Тал. В конечном счете это единственный багаж, который мы берем с собой. Не исчезают только любовь и воспоминания. Вот почему когда человек умирает, перед глазами у него проходит вся жизнь – он выбирает воспоминания, которые ему нужны. Что-то вроде сборов в дорогу.*

– Любовь и воспоминания? Тогда на мне двойное проклятие. Я ничего не помню, а любовь...

– *Послушай.*

Я слышу чей-то голос: «У нее сохранится интеллект, когда она очнется?»

– Эй, – говорю я. – Это же...

– *Джонни.* – Ее голос, произносящий имя мужа, исполнен любви и боли.

«Вопрос в том, очнется ли она...» – Другой голос, тоже мужской.

⁹ Игра, в которой несколько участников становятся в круг и ногами подбрасывают и отбивают матерчатый мешочек или носок, наполненный сухими бобами.

Погоди... Они обсуждают мою смерть. И нечто худшее – жизнь с поврежденным мозгом. У меня перед глазами возникает жуткая картина: я прикована к кровати и опутана трубками, не в состоянии говорить и двигаться.

Я изо всех сил пытаюсь сосредоточиться и снова оказываюсь в больничной палате.

У моей кровати стоит Джонни и смотрит на меня. Рядом с ним незнакомый мужчина в синем костюме хирурга.

– Она верующая? – спрашивает незнакомец.

– Нет. Я бы так не сказал, – усталым голосом отвечает Джонни. Он такой печальный, что мне хочется взять его за руку – даже после всего, что было между нами, а может, именно поэтому.

Джонни садится рядом с кроватью, на которой лежит мое тело.

– Прости, – говорит он мне – той, которая не слышит.

Я долго ждала от него этих слов. Но почему? Теперь я вижу, что он любит меня. Поэтому, как блещут от слез его глаза, как дрожат его руки, как он склоняет голову, словно в молитве. Джонни не молится, но я его хорошо знаю – опущенный на грудь подбородок означает поражение.

Он будет скучать по мне, даже после всего, что было.

И мне его будет не хватать.

– Сражайся, Талли.

Я хочу ответить, подать знак, что слышу его, что я здесь, но не могу.

– Открой глаза, – приказываю я себе. – Открой глаза! Скажи ему, что тебе тоже очень жаль.

А потом он начинает петь, хриплым, прерывающимся голосом: «Городская девчонка, маленькая и одинокая...»

– *Боже, как я его люблю*, – говорит Кейт.

Он не успевает допеть песню, как в палату входит кто-то еще. Крепко сбитый мужчина в дешевой спортивной куртке коричневого цвета и синих слаксах.

– Детектив Гейтс, – представляется он.

Я слышу слова «автомобильная авария», и в моем мозгу мелькают картины – дождливая ночь, бетонная опора, мои руки на руле. Я почти вспомнила. Чувствую, как картинки складываются вместе, обретают смысл, но, прежде чем это происходит, сокрушительный удар в грудь отбрасывает меня к стене. Невыносимая, мучительная боль.

КОДСИНИЙПОЗОВИТЕБИВЕНА.

– Кейт! – кричу я, но ее уже нет.

Звуки теперь похожи на оглушительные раскаты грома – удары и писк. Я не могу дышать. Боль в груди убивает меня.

ГОТОВО.

Меня подбрасывает в воздух, как тряпичную куклу, и там, наверху, я начинаю гореть. Когда все заканчивается, я снова оказываюсь в небе рядом со звездами.

В темноте Кейт берет меня за руку, и мы уже не падаем, а летим. Потом мягко – как бабочка на цветок – опускаемся на два обшарпанных деревянных стула, обращенных к заливу. Мир вокруг темный, но в то же время словно освещенный резким электрическим светом: белая-белая луна, бесчисленные звезды, мерцающие в стеклянных банках, которые подвешены к ветвям старого клена.

Ее задняя веранда. Кейт.

Здесь уже нет пульсирующей боли, только эхо. Слава богу!

Я слышу рядом с собой дыхание Кейт. И при каждом вдохе чувствую запах лаванды и чего-то еще – возможно, снега.

– *Джонни расклеился*, – говорит она, напоминая мне о том, где мы были раньше – говорили о моей жизни. – *Я от него этого не ожидала.*

– Мы все расклеились. – Как ни печально, но это правда. – Ты была тем цементом, который соединял нас. Без тебя...

Кейт долго молчит, и я представляю, что она вспоминает свою жизнь, всех, кого любила. Любопытно, что чувствуешь, понимая, что люди не могут без тебя жить? Что чувствуешь, понимая, сколько людей тебя любили?

– *Что с тобой было после того, как он переехал в Лос-Анджелес?*

Я вздыхаю.

– А нельзя мне просто выйти на этот проклятый свет и покончить со всем?

– *Ты звала меня, помнишь? Говорила, что я тебе нужна. Я здесь. И вот почему: тебе нужно вспомнить. Обязательно. Поэтому рассказывай.*

Я откидываюсь на спинку стула и смотрю на свечу, которая горит внутри стеклянной банки. Сама банка висит на грубой бечевке, и легкий ветерок время от времени покачивает ее, так что блики света падают на нижние ветки дерева.

– После твоей смерти Джонни вместе с детьми уехал в Лос-Анджелес. Это произошло быстро – переезд. Твой муж решил, что ему нужно в Лос-Анджелес, и не успела я опомниться, как он уже оказался там. И дети тоже. Помню, как прощалась с ними в ноябре шестого года: стояла вместе с твоими мамой и отцом на дорожке у дома и махала рукой. Потом поехала домой и забралась...

...в постель. Я знаю, что должна вернуться к работе, но просто не в состоянии. Честно говоря, даже мысль о работе невыносима. Я не могу найти в себе сил, чтобы начать жизнь заново, без лучшей подруги. Чувство утраты наваливается на меня, и я закрываю глаза. Временная депрессия – это нормально. Любой на моем месте чувствовал бы себя так же.

Каким-то образом из моей жизни выпадают две недели. То есть не в буквальном смысле. Я знаю, что они были, знаю, что прожила их. Я похожа на раненое животное в темном логове, зализывающее колючку в лапе и неспособное найти того, кто ее извлечет. Каждый вечер в одиннадцать часов я звоню Маре. Я знаю, что она тоже не может заснуть. Лежу в кровати, слушаю ее жалобы на решение отца переехать, убеждаю, что все будет хорошо, но мы обе в это не верим. Обещаю скоро приехать.

Наконец я понимаю, что больше так не могу. Откидываю одеяло и иду по квартире, включая лампы и открывая шкафы. Комнаты наполняются светом, и я впервые за это время вижу себя: волосы спутанные и сальные, взгляд остекленевший, одежда помята.

Я похожа на свою мать. Мне стыдно и неприятно – как можно пасть так низко и так быстро?

Пора возвращаться к жизни.

Вот она. Моя цель. Я не могу просто валяться в постели, оплакивая лучшую подругу и горя о том, что ушло навсегда. Я должна переступить через это и жить дальше.

Я знаю, как это сделать, потому что делала это всю свою жизнь. Я звоню своему агенту и назначаю встречу. Он в Лос-Анджелесе. Я увижусь с агентом, вернусь к работе и удивлю Джонни и детей, заявившись к ним в гости.

Да. Прекрасно. Таков мой план.

Договорившись о встрече, я чувствую себя лучше. Принимаю душ. Тщательно укладываю волосы. И вдруг замечаю, что у корней они седые.

Когда это произошло?

Нахмурившись, я пытаюсь скрыть седину, стягивая волосы в «хвост». Потом нетвердой рукой наношу макияж. Как-никак, мне нужно выйти в мир, а в наши дни никуда не

скрыться от камер. Я натягиваю единственную, что налезает на мои раздавшиеся бедра, вязаную юбку «карандаш», сапоги до колен и черную блузку с асимметричным воротником.

Все идет хорошо – то есть я звоню своему агенту в бюро путешествий и бронирую билеты и отель, потом одеваюсь и с улыбкой думаю: «Я справлюсь, конечно, справлюсь» – пока не открываю входную дверь. Тут меня охватывает паника. Горло пересыхает, лоб покрывается капельками пота, пульс учащается.

Мне страшно выходить из дома.

Я не понимаю, что, черт возьми, со мной происходит, но решаю не сдаваться. Набираю полную грудь воздуха и бросаюсь вперед. В лифт, к машине, за руль. Сердце норовит выпрыгнуть у меня из груди.

Я завожу машину и выезжаю на забитые транспортом, оживленные улицы Сиэтла. Идет проливной дождь, и капли бьют в ветровое стекло, мешая смотреть. Желание повернуть назад не исчезает, но я сопротивляюсь ему. Заставляю себя ехать дальше. Наконец я в самолете, в салоне первого класса.

– Мартини, – прошу я стюардессу. Выражение ее лица напоминает мне, что еще утро. Тем не менее выпивка представляется мне единственным, что способно помочь в этой странной ситуации.

После двух порций мартини я наконец расслабляюсь, откидываюсь на спинку кресла и закрываю глаза. Вот вернусь к работе и станет лучше. Работа всегда была моим спасением.

В Лос-Анджелесе я вижу шофера во всем черном, в руках у него табличка: ХАРТ. Отдаю ему большую сумку из телячьей кожи и иду вслед за ним к ожидающему такси. Весь путь от аэропорта до района Сенчури-Сити движение очень интенсивное. Водители постоянно сигналият, как будто это что-нибудь изменит, а мотоциклисты опасно маневрируют между потоками машин.

Я откидываюсь на мягкое сиденье и закрываю глаза, чтобы собраться с мыслями и выстроить планы. Теперь, когда я начала действовать и постепенно возвращаться к жизни, беспокойство ослабевает. А может, это действует мартини. Так или иначе, я готова вернуться.

Внутри нужное мне здание кажется безграничным пространством белого мрамора и стекла, оно похоже на гигантский ледяной дом – и такое же холодное. Все прекрасно одеты, стильно и дорого. Красивые женщины и элегантные мужчины перемещаются среди интерьера, который похож на картинку из журнала.

Девушка за конторкой портье меня не узнает. Даже когда я называю свое имя.

– О, – говорит она, скользя по мне равнодушным взглядом. – Вы к мистеру Дэвидсону?

– Да, – отвечаю я, пытаюсь улыбаться.

– Присядьте, пожалуйста.

Честно говоря, мне хочется поставить эту девицу на место, но я понимаю, что в ярко освещенных холлах здания САА нужно быть осторожной, сдерживаю себя и остаюсь в оформленной в современном стиле приемной.

Я сажусь и жду.

Жду.

После назначенного времени проходит не меньше двадцати минут, прежде чем ко мне подходит молодой человек в итальянском костюме. Ни слова не говоря, будто робот, он ведет меня на третий этаж, в угловой кабинет.

Мой агент, Джордж Дэвидсон, восседает за огромным письменным столом. Мы обнимаемся – немного неловко. Потом я отступаю.

– Отлично. Отлично, – говорит он и указывает на кресло.

Я сажусь.

– Хорошо выглядишь, – говорю я.

Джордж смотрит на меня. Я вижу, что он замечает прибавку веса; «хвост» на голове тоже не может его обмануть. Он видит седину в волосах. Я смущенно ерзаю на стуле.

– Твой звонок меня удивил, – признается он.

– Прошло не так уж много времени.

– Шесть месяцев. Я отправил тебе не меньше дюжины писем. И ни на одно не получил ответа.

– Ты в курсе, что случилось, Джордж. Я узнала, что у моей лучшей подруги рак. И хотела быть с ней.

– А теперь?

– Она умерла. – Впервые я произнесла эти слова вслух.

– Мне очень жаль.

Я вытерла глаза.

– Да. Ну вот. Теперь я готова вернуться к работе. Могу начать запись в понедельник.

– Скажи, что ты шутишь.

– Думаешь, понедельник – это слишком рано? – Мне не нравится, как Джордж на меня смотрит.

– Послушай, Талли. Ты же должна понимать.

– О чем ты, Джордж?

Он ерзает в своем кресле. Дорогая кожа издает шуршащий звук.

– В прошлом году твоё ток-шоу «Подруги» было лучшим в своём временном отрезке. Рекламодатели отпихивали друг друга локтями, чтобы купить эфирное время. Производители с радостью дарили продукцию твоим зрителям, многие из которых приезжали за сотни миль и часами выстаивали в очередях, чтобы тебя увидеть.

– Мне все это известно, Джордж. Поэтому я здесь.

– Ты ушла со сцены, Талли. Взяла микрофон, попрощалась с аудиторией и удалилась.

Я наклоняюсь вперед.

– Моя подруга...

– Кому до этого дело, черт возьми?

Я выпрямляюсь, оглушенная.

– Как ты думаешь, как отнеслась телевизионная сеть к твоему уходу? Или твои сотрудники, внезапно оказавшиеся без работы?

– Я... я...

– Совершенно верно. Ты о них не подумала, правда? Телесеть собирается подать на тебя в суд.

– Я понятия не имела...

– Не отвечала на телефонные звонки, – рывкает он. – Я сражался, как тигр, чтобы тебя защитить. Они решили не судиться с тобой – подумали, что это будет плохой рекламой, поскольку речь идет о раке. Но закрыли шоу, окончательно и бесповоротно. Заменили тебя.

Как случилось, что я этого не знаю?

– Заменили? Кем?

– Шоу Рейчел Рэй. Оно хорошо идет в рейтингах. Быстро прибавляет. По-прежнему неплохо держатся «Эллен» и «Судья Джуди». И, разумеется, Опра¹⁰.

– Постой. Ты понимаешь, о чем говоришь? Мое шоу принадлежит мне. Я его продюсирую.

– Очень жаль, что ты не владеешь телесетью. И у них есть эксклюзивное право транслировать повторы. Но они не пускают повторы в эфир – до такой степени разошлись.

¹⁰ Опра Уинфри – американская телеведущая, актриса, продюсер, общественный деятель, ведущая ток-шоу «Шоу Опры Уинфри».

Я не в состоянии даже осмыслить эту информацию. Мне казалось, что мой успех навсегда.

– Ты хочешь сказать, что с «Подругами» покончено?

– Нет, Талли, я хочу сказать, что с тобой покончено. Кому нужен работник, который уходит, даже не объяснившись?

Значит, все так плохо.

– Я сделаю другое шоу. Рискну. Сами будем его продавать.

– Ты говорила со своим бизнес-менеджером?

– Нет. Зачем?

– А ты помнишь, что четыре месяца назад пожертвовала солидную сумму фонду борьбы с раком?

– Это был подарок для Кейт. И реклама отличная. О пожертвовании даже упоминали в вечернем развлекательном шоу.

– Да, конечно, красивый и благородный жест. Вот только у тебя больше нет доходов, Талли. С тех пор как ты ушла. После прекращения записи шоу у тебя остались обязательства по контрактам. Это обойдется тебе в кругленькую сумму. Будем откровенны – ты никогда не отличалась бережливостью.

– Хочешь сказать, что я осталась без гроша?

– Без гроша? Нет. У тебя по-прежнему достаточно денег, чтобы ни о чем не беспокоиться. Но я говорил с Фрэнком. У тебя не хватит средств, чтобы финансировать съемки. А вкладывать в тебя деньги сейчас никто не захочет.

Я на грани паники; нога нервно притопывает, пальцы лихорадочно сжимают подлокотники кресла.

– Значит, мне нужна работа.

При взгляде на Джорджа мне становится грустно. В его глазах я вижу всю историю наших отношений. Он стал моим агентом почти двадцать лет назад, когда я была самой мелкой сошкой в утреннем шоу. Нас сблизили амбиции. Он заключал все самые крупные контракты в моей карьере и помог заработать миллионы, большую часть которых я растратила, потратила на экстравагантные путешествия и подарки.

– Это будет нелегко. Ты теперь нечто вроде криптонита¹¹, Тал.

– Хочешь сказать, могу работать только на местном уровне?

– Я говорю, что тебе повезет, если ты найдешь работу на местном уровне.

– Не в первой десятке.

– Не думаю.

Жалость и сострадание в его взгляде лишают меня последних сил.

– Я работала с четырнадцати лет, Джордж. В старших классах школы я получила работу в местной газете, а в эфир вышла, когда мне еще не исполнилось двадцати двух. Я построила свою карьеру с нуля. Никто мне ничего не давал. – Мой голос срывается. – Я все отдала работе. Все. У меня нет семьи, нет мужа, детей. Только... работа.

– Полагаю, тебе следовало бы подумать об этом раньше, – говорит он, но ласковые нотки в его голосе ничуть не смягчают самих слов.

Джордж прав. Я хорошо знаю, что такое журналистика, и особенно телевизионная. С глаз долой – из сердца вон. Теперь я понимаю, что после моего поступка возвращение невозможно.

Почему же я не осознала этого в июне?

Да нет, я знала. Должна была знать, что так все и будет. Но выбрала Кейт.

¹¹ Вымышленное вещество из комиксов и фильма о Супермене. Имеются в виду его разрушительные свойства.

– Найди мне работу, Джордж. Умоляю тебя. – Я отворачиваюсь, чтобы он не видел, чего мне стоят эти слова. Я не привыкла просить. Никогда в жизни не просила ничего... кроме материнской любви. Но и это было бесполезной тратой времени.

Я быстро иду по сверкающим белым коридорам, стараясь ни с кем не встречаться взглядом; мои каблуки цокают по мраморному полу. На улице меня ослепляет яркое солнце. Пот выступает на лбу и пощипывает кожу.

Я найду решение. Обязательно. Конечно, это сильный удар, но я не привыкла сдаваться.

Я машу рукой своему водителю и снова сажусь в такси, радуясь полумраку и тишине в салоне машины. Голова пульсирует болью.

– Беверли-Хиллз, мэм?

Джонни и дети.

Мне хочется поехать к ним немедленно. Хочется вывалить свои беды на Джонни и услышать от него, что я была права.

Но я не могу. Стыд переполняет меня. Гордость не позволяет этого сделать.

Я надеваю темные очки.

– Аэропорт.

– Но...

– Аэропорт.

– Хорошо, мэм.

Я с трудом держу себя в руках, буквально считая секунды. Крепко зажмуриваюсь и повторяю про себя: «Все будет хорошо». Снова и снова.

Но впервые в жизни сама не могу в это поверить. Паника, страх, злость, чувство утраты – все это переполняет меня, выплескивается наружу. Во время обратного полета я дважды начинаю плакать, и мне приходится зажимать рукой рот, чтобы заглушить рыдания.

Из самолета я выхожу, словно зомби, пряча красные глаза за темными стеклами очков.

Я всегда гордилась своим профессионализмом, а о моей рабочей этике ходили легенды. Так я убеждала себя, стараясь казаться сильнее, чем на самом деле, – не такой хрупкой и тонкой, как прядь волос.

Зрителей своего шоу я убеждала, что каждый может получить от жизни все. Призывала обращаться за помощью, тратить время на себя, разобраться в своих желаниях, быть эгоистичным, быть самоотверженным.

Но на самом деле я понятия не имела, как этого добиться. У меня ничего не было, кроме карьеры. С Кейт и всеми Райанами этого казалось достаточно, но теперь в моей жизни образовалась пустота.

Подъезжая к дому, я дрожала. Самообладание окончательно покинуло меня.

Открыв дверь, я вошла в вестибюль.

Сердце громко стучит, воздуха не хватает. Люди смотрят на меня. Они знают, что я неудачница.

Кто-то дотрагивается до моей руки. Я так пугаюсь, что едва не падаю.

– Мисс Харт?

Это наш швейцар Стэнли.

– С вами все в порядке?

Я встряхиваю головой, надеясь, что в ней прояснится. Нужно попросить его поставить мою машину, но я чувствую себя... немного пьяной, и какой-то взвинченной. Мой смех, резкий и нервный, неприятен даже мне самой.

Стэнли хмурится.

– Мисс Харт? Вам дома не нужна помощь?

Дома.

Я смотрю на него. Сердце начинает биться так быстро, что мне становится плохо, я задыхаюсь.

Что со мной происходит?

Такое ощущение, что в грудь мне воткнули нож. Я вскрикиваю от боли.

Я протягиваю руки к Стэнли, хриплю: «Помогите», – спотыкаюсь обо что-то и падаю на бетонный пол.

– Мисс Харт?

Я открываю глаза и понимаю, что лежу на больничной койке.

Рядом со мной стоит мужчина в белом халате. Он высокий и какой-то несовременный – слишком длинные волосы. Резкие черты лица, орлиный нос. Кожа у него цвета кофе с молоком. Наверное, в его жилах течет гавайская кровь, а может, азиатская и афроамериканская. Трудно сказать. На запястьях у него татуировки – племенные.

– Я доктор Грант, – представляется он. – Вы в реанимации. Помните, что произошло?

Все я помню – амнезия была бы для меня благодеянием. Но мне не хочется обсуждать это, особенно с этим мужчиной, который смотрит на меня как на неполноценную.

– Помню, – отвечаю я.

– Это хорошо. – Он заглядывает в мою карточку. – Таллула.

Он понятия не имеет, кто я. Это меня расстраивает.

– Когда я могу выйти отсюда? Мое сердце уже в порядке. – Мне хочется домой, и я делаю вид, что у меня не было сердечного приступа. Тут я вспоминаю: мне сорок шесть лет. С чего это у меня может быть сердечный приступ?!

Доктор Грант надевает очки, смешные и старомодные.

– Послушайте, Таллула...

– Талли, пожалуйста. Только моя повредившаяся рассудком мать называла меня Таллулой.

– У вашей матери были психические отклонения? – Он смотрит на меня поверх очков.

– Я пошутила.

Мой юмор не производит на него впечатления. Наверное, он живет в мире, где люди сами выращивают себе еду, а перед сном читают книги по философии. Он чужой в моем мире – как и я в его.

– Понятно. Хорошо. Дело в том, что произошедшее с вами нельзя назвать сердечным приступом.

– Инсульт?

– Во время приступа паники симптомы часто...

Я сажусь.

– О нет! У меня не было приступа паники.

– Вы принимали наркотики до того, как с вами случился приступ паники?

– Разумеется, я не принимаю наркотики. Я похожа на наркоманку?

Похоже, он не знает, что со мной делать.

– Я позволил себе пригласить коллегу для консультации...

Не успевает он закончить предложение, как ширма раздвигается, и к моей кровати идет доктор Харриет Блум. Она высокая и худая; первое, что приходит в голову – резкая, пока вы не видите ее мягкого взгляда. Мы с Харриет знакомы много лет. Она известный психиатр и много раз была гостем на моем шоу. Приятно видеть знакомое, доброжелательное лицо.

– Привет, Талли. Я рада, что сегодня моя смена. – Харриет улыбается мне, потом смотрит на доктора Гранта. – Итак, Десмонд, как наша пациентка?

– Отвергает приступ паники. Очевидно, предпочитает сердечный приступ.

– Вызовите мне такси, Харриет, – говорю я. – Хочу убраться отсюда к чертовой бабушке.

– Она сертифицированный психиатр, – объясняет мне Десмонд. – И не занимается вызовом такси.

Харриет смущенно улыбается мне.

– Дес не смотрит телевизор. Вероятно, он и Опру не узнал бы.

Я не удивлена, что мой врач считает ниже своего достоинства смотреть телевизор. «Слишком крутой, чтобы ходить в школу» – это про него. Готова поклясться, что когда-то он был буяном, но мужчина средних лет с татуировками – не мой стиль. Наверное, в гараже у него хранится мотоцикл «харлей-дэвидсон» и электрогитара. И действительно, только рокер может не знать Опру.

Харриет берет у Десмонда мою карточку.

– Я назначила магнитно-резонансное сканирование. Санитары сказали, она сильно ударилась о землю. – Доктор смотрит на меня, и я снова замечая его оценивающий взгляд; наверное, считает меня чокнутой. Белая женщина средних лет в дорогой одежде, которая без видимой причины падает ничком.

– Поправляйтесь, мисс Харт. – Его участливая улыбка вызывает раздражение, но он быстро уходит.

– Слава богу, – вздыхаю я.

– У вас был приступ паники, – говорит Харриет, когда мы остаемся одни.

– Глупости.

– У вас был приступ паники, – повторяет Харриет, уже мягче. Она откладывает карточку и подходит к кровати. Ее лицо, слишком резкое, чтобы считаться красивым, отличается царственным, невозмутимым спокойствием, но глаза принадлежат трогательной женщине, которая, несмотря на строгие черты лица и чопорность, – которая глубоко сочувствует людям. – Насколько я понимаю, у вас была депрессия? – спрашивает Харриет.

Я хочу солгать, улыбнуться, рассмеяться. Но неожиданно киваю, стесняясь собственной слабости. В каком-то смысле я действительно предпочла бы сердечный приступ.

– Я устала, – тихо говорю я. – И почти не сплю.

– Я выпишу ксанакс, чтобы снять тревожное состояние, – говорит Харриет. – Начнем с половинки миллиграмма три раза в день. Думаю, несколько сеансов психотерапии тоже не помешают. Если вы готовы приложить усилия, попробуем вам помочь вернуться в колено.

– История жизни Талли Харт? Спасибо, нет. Премного благодарна. Моим девизом всегда было не думать о том, что приносит страдания.

– Я кое-что понимаю в депрессиях, – говорит она, и я слышу укор и горечь в ее голосе. И вдруг мне приходит мысль, что Харриет Блум тоже разбирается в горе, отчаянии и одиночестве. – Депрессии не нужно стыдиться, Талли, и ее нельзя игнорировать. Может стать хуже.

– Хуже, чем теперь? Разве это возможно?

– Еще как, можете мне поверить.

Я слишком измучена, чтобы расспрашивать ее, и, честно говоря, не хочу знать того, что она мне может сказать. Боль в шее усиливается.

Харриет выписывает два рецепта и протягивает мне. Я смотрю на листки. Ксанакс против приступов паники и амбиен, снотворное.

Всю жизнь я избегала наркотиков. И не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять почему. Когда ты все время наблюдаешь, как твоя мать ловит кайф, потом ходит, спотыкаясь, и блюет, то видишь все страшные последствия наркотиков.

Я поднимаю глаза на Харриет.

– Моя мать...

– Знаю, – останавливает меня Харриет.

Вот что значит жить в лучах славы – всем известна моя печальная история. Бедная Талли, не знавшая любви и брошенная матерью, хиппи и наркоманкой.

– Ваша мать злоупотребляет наркотиками. Вы правы, что проявляете осторожность. И воспользуйтесь рецептами.

– Хорошо бы мне еще избавиться от бессонницы.

– Можно задать один вопрос?

– Конечно.

– Как долго вы притворялись, что не страдаете?

Вопрос оглушает меня.

– Почему вы об этом спрашиваете?

– Потому, Талли, что иногда чаша переполняется слезами, и тогда содержимое выплескивается.

– В прошлом месяце умерла моя лучшая подруга.

– Понятно, – говорит Харриет. И все. Потом кивает. – Приходите ко мне, Талли. Запишитесь на прием. Я могу вам помочь.

Когда она уходит, я откидываюсь на подушки и вздыхаю. Правда о моей ситуации забирается ко мне в кровать и занимает слишком много места.

Симпатичная пожилая женщина отвозит меня на магнитно-резонансное сканирование, где красивый молодой врач называет меня «мэм» и объясняет, что в моем возрасте падения часто приводят к травме шеи и что скоро боль пройдет. Он выписывает мне обезболивающее и говорит, что мне полезна физиотерапия.

К тому времени, когда меня отвозят обратно в палату, силы совсем заканчиваются. Я терплю, пока медсестра рассказывает, как мое шоу, посвященное детям-аутистам, помогло спасти жизнь кузине ее лучшей подруги, а когда длинная история наконец заканчивается, даже выдавливаю из себя улыбку и слова благодарности. Медсестра дает мне снотворное. Потом я ложусь в кровать и закрываю глаза.

И впервые за несколько месяцев крепко сплю до утра.

7

Лекарства, прописанные Харриет, мне помогают. Под их воздействием я становлюсь не такой раздражительной и беспокойной. К моменту выписки из больницы у меня уже готов план.

Дома я сразу же беру телефон и начинаю звонить. Я в этом бизнесе не один десяток лет и знаю, что обязательно найдется тот, кому нужна ведущая программы в прайм-тайм.

Первая в списке моя давняя подруга Джейн Райс.

– Конечно, – отвечает она. – Приходи, поговорим.

Я едва сдерживаю смех. Джордж ошибался. Я все-таки Талли Харт.

И тем не менее к разговору с Джейн я готовлюсь со всей тщательностью. Мне не нужно объяснять, как важно первое впечатление. Поэтому я делаю стрижку и крашу волосы.

– О боже, – вздыхает мой парикмахер Чарльз, когда я усаживаюсь в кресло. – Что у тебя с волосами?! – Он закрепляет у меня на шее бирюзовую простыню и приступает к делу.

В день, на который назначена встреча с Джейн, я выбираю одежду строгого стиля – черный костюм и светлая блузка цвета лаванды. Я много лет не была в здании студии, но чувствую себя здесь комфортно. Это мой мир. На стойке администратора меня встречают как героиню, и мне не приходится называть себя. Я испытываю облегчение, и мои плечи расслабляются. За спиной администратора большие фотографии Джин Энерсон и Денниса Баундса – ведущих вечерних новостей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.